

18+

Наталья Сорокоумова

Грани
СОЗНАНИЯ

Наталья Сорокоумова

Грани сознания

«Издательские решения»

Сорокоумова Н.

Грани сознания / Н. Сорокоумова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694848-8

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Масштабная история о человечестве после ядерной войны, в которой катастрофа запускает новый виток эволюции. Родается поколение камбьядо — людей, способных управлять материей и энергией силой мысли. Однако вместе с даром возникает вопрос контроля и ответственности.

ISBN 978-5-00-694848-8

© Сорокоумова Н.
© Издательские решения

Содержание

II	10
III	13
IV	16
V	20
VI	25
VII	30
VIII	34
IX	38
X	44
XI	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Грани сознания

Наталья Сорокоумова

© Наталья Сорокоумова, 2026

ISBN 978-5-0069-4848-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Грани сознания. Книга первая.
Камбьядо.*

1

«...Союз «Тайники Сознания» был создан для таких же, как я – измененных. Мы – люди по физиологической сути, но другие во многом другом. Мы – новый вид разумных существ, выведенный природой (и радиацией) на обломках человеческой цивилизации. Земля, погибая, создала нас для своего спасения, она дала нам особую силу – силу разума, способную покорять время и пространство. Мы – Камбьядо.

Почему именно я, Джетана Спеллер, стала первой из многих, почему именно мне выпала труднейшая задача – выжить самой и помочь выжить следующим, объединиться новым созданиям, которых люди либо бояться, либо презирают? Говорят, бог дает испытания тем, кто может их выдержать... Возможно, на тот момент у бога была только одна кандидатура.

Мы – мутанты, но все ещё люди.

Я прошла длинный и тяжелый путь. Было много сомнений, размышлений, отчаянья и смелых, сумасшедших идей. Я не хотела бы, чтобы кто-то заново испытал на себе все то, что испытала я. Пройти мой путь с самого начала – это самое несправедливое, что можно ожидать от судьбы. И это было бы так же совершенно несправедливо по отношению к тем, кто все эти годы работал со мной бок о бок, помогал становлению союза ТС, кто сомневался и размышлял вместе со мной. Сейчас мне сто восемьдесят три года – и я заканчиваюсь. Именно ЗАКАНЧИВАЮСЬ здесь, не умираю – ведь смерти нет, а есть переход в новое состояние. Удастся ли кому-нибудь из моих последователей прожить столько же – не знаю. Сто пятьдесят лет моей жизни ушло на создание из ничего Тайников Сознания, на поиски и объединения камбьядо, на обучение их, на помощь в самосовершенствовании.

Надеюсь, что сделала все, что было в моих силах, для возвращения равновесия миру после ужасов последней войны. Я очень хочу, чтобы камбьядо под знаменами союза продолжали мою работу и исследования, способствуя укреплению стабильности Вселенной. Я к этому стремилась...»

Джетана Спеллер. «Хрустальные грани сознания»

...Руководитель отдела джетановой пластики эксперт Мэттью Гендерсон терпеливо ждал, пока его чип-идентификатор, вживленный под кожу на ладони, будет изучен красными огоньками сенсора электронного замка, и он сможет пройти на свой уровень. Подземный город-институт Тьеррадендро мирно спал.

Просторный коридор, обитый мягким розовым материалом, напоминающим искусственный мех, освещался ровными трубками ламп, которые давали приятный рассеянный свет. Обивка глушила все звуки, и даже в разгар работы в коридорах царил полная тишина. Лишние слова и мысли, особенно эмоциональные и бурные, могли сбить настройки высокочувстви-

тельной аппаратуры в лабораториях. Новичков и стажеров на этот уровень пропускали только в шлемах со специальной защитой и дополнительными блокираторами. Перемещаться обычным для сотрудников Тьеррацентро способом, с помощью пси-волны, когда физическая оболочка становится энергией, здесь было невозможно – особая защита стен могла блокировать саму энергию. Тонкая работа, тонкая аппаратура, тонкие расчеты...

Мэттью остановился перед дверью, на которой восхитительным светом сияла золотая табличка: Руководитель отдела пластики, эксперт девятого уровня, Мэттью Гендерсон. Удовлетворенно взглянув на символ своей компетентности, он снова провел ладонью с вживленным микрочипом перед датчиками и вошел в кабинет.

Благословенная тишина... Хотя работа эксперта по джетановой пластике больше творческая, уединения и тишины ему как раз и не хватает. У скульпторов и художников есть возможность заставить свои модели молчать во время работы, а вот пациенты Мэттью всегда говорливы и любопытны. Потому что они – дети. Дети камбьядо, которым он усилием воли и движением своих рук создает новые лица и возвращает здоровье. Джетана Спеллер создала новые направления в пластической хирургии – теперь камбьядо не бессильны перед врожденными физическими дефектами, пластики-эксперты способны создавать любой орган, восстанавливать практические повреждения организма... Без пяти минут боги...

Но как от этого устаешь... А тишина – боже!... Как прекрасна тишина после долгих часов общения с учениками в верхних городах. Мэттью упал на диван и закрыл глаза. Спать...

Но вместо того, чтобы хотя бы подремать, он налил себе воды в высокий стакан, вновь расслабленно упал на диван и погрузился в созерцание. Прозрачная вода в стакане качнулась, вопреки всем законам физики скрутилась в крохотные водовороты, обособленные друг от друга... Всего-то – надо передать молекулам воды определенный набор импульсов мысленной энергии, и текучая вода обретет вязкость и пластичность глины... Раз, два – из стакана поднялся водяной столбик, извиваясь, стал закручиваться штопором, потом в клубок, из клубка начало само собой вылепляться что-то вроде женской головы, кукольной заготовки... маленький прямой носик, подбородок с ямочкой, тонкие завитки упругих локонов, похожих на проволоку или леску... Мэттью прикрыл глаза от удовольствия – свободное творческое почти-ничего-не-делание... вот где отдых...

Он приоткрыл глаз и поглядел на кукольную головку... Ким, вылитая Ким...

...Легкий всплеск пси-волны прошел разрядом тока по расслабленному мозгу Мэттью. Он открыл глаза и рывком сел на диване. Кукольная головка обрушилась в стакане большой каплей обычной воды...

Кто посмел использовать пространственное перемещение внутри института? Это запрещено всеми мыслимыми правилами. К тому же – невозможно практически.

Мэттью попытался просканировать уровень, на котором находился. Тщетно – этот этаж надежно экранировался. Аппаратура должна была гасить здесь любые проявления активности пси. Но какие знакомые колебания... Агрессия, сила, жар, навязчивость, липкость – вот что плескалось в кабинете вокруг Мэттью. Неприятные ощущения.

– Кто здесь? – наконец спросил он. – Что за шутки?

– Здравствуй, волчонок, – сказал женский голос, и прямо на столе материализовалась кокетливо сидящая фигура. Мэттью сдержал внутреннюю дрожь.

– Здравствуй, Джет, – сказал он, стараясь не выдать эмоций.

Они не виделись... сколько?... лет двенадцать-пятнадцать. И она не изменилась – так же молода, красива и... опасна. Сила бьет через край и, как всегда при общении с Джет, подсознательно, Мэттью скрутила судорога холодного страха. Тонкие яркие губы посетительницы тронула улыбка.

– Узнал, волчонок, узнал... Как же ты изменился! Был маленьким уродцем – стал прекрасным принцем!

– Для того и создана джетанова пластика, чтобы камбьядо могли ею пользоваться, – сказал Мэттью. – Как ты попала сюда? Где была столько лет?

– Ни единой нотки радости в голосе, – с наигранной грустью констатировала Джет. – В мыслях – тоже. Попала просто – пси-волна принесла меня с далеких океанских берегов.

Она огляделась, почесывая подбородок.

– У тебя теперь новый кабинет, Мэтти, – отметила она. – Быстрый взлет, ошеломляющий успех – и вот ты эксперт по пластике девятого уровня. Блестяще!...

– Тебе нельзя здесь находиться, это опасно, – сказал Мэттью.

– А то что? – вызывающе спросила она. – Маякнешь шефу Бьюз? И не старайся – все твои сигналы я перехвачу и уничтожу до того, как ты успеешь только подумать об этом.

Он и не собирался никому ничего сообщать. Джет поднялась и прошла по кабинету, неслышно ступая по толстому белому ковровому покрытию.

– Где ты пропадала столько времени после того, как...? – наконец спросил он.

– ...после того, как меня выставили за дверь?

– Тебя не выставили – ты сама ушла.

– Верно. Мне было противно становится рабом союза. Я хотела быть свободной.

– Ты хотела только власти... – сказал Мэттью.

Она повернулась к нему. Странное дело – вот стоит Джет, давняя его... ммм... знакомая. Они вместе росли, вместе учились, пережили столько бед и радостей – сейчас и не поверишь... Он знает о ней всё, и даже больше. Но внутри почему-то все содрогается – то ли от её излучения, то ли от давно забытого детского страха перед сильным чужаком.

– Вот вы как про меня думаете, – произнесла она задумчиво. – Ты считаешь, власть – это плохо?

Значит, и в этом она не изменилась – так же тщеславна, горда и влюблена в себя. Самые опасные качества камбьядо. Сколько не старались учителя переключить сознание Джет в созидательное русло – успеха ноль. Потому она и ушла из союза – переделывать себя она не только не собиралась, но и старательно сопротивлялась этому. Бешеная дикарка из каменной крепости.

– Смотря для чего её использовать, – заметил Мэттью. – Ты – камбьядо. Личные амбиции – это наши враги.

Она отмахнулась от его слов.

– Ох, не надо. Вся эту вашу глупость я из себя вытрясла давным-давно. Ты спрашиваешь, где я была все эти годы? Училась жить со своим даром без учителей. И теперь нас всех ждут большие перемены... Тьеррадентро – бессовестный монополист знаний. Я хочу разделить эти знания с людьми.

– Разве наши эксперты не обучают врачей, агрономов и инженеров? Разве не наши технологии дарят людям воду и свет? Один только Базис обеспечивает энергией десяток городов!

– Жалкие крохи со стола повелителей планеты, – ответила Джет сквозь зубы. – Но даже из-за этих крох человечество разучилось думать и развиваться. Стагнация с последующей, неизбежной, деградацией. Не вы ли, вездесущие эксперты, контролируете исследования на Земле? Не вы ли пользуетесь плодами исследований и отнимаете их у людей? Джетана, при всей своей гениальности, не смогла понять, что мы с людьми – в одной упряжке. Ты даже не представляешь, сколько можем мы дать друг другу!...

– Хватит, Джет, уймись, – устало возразил Мэттью. – Люди получают всё, что им необходимо.

– Земля при смерти, – с нажимом сказала Джет. – Камбьядо отказываются признавать факты, но я-то вижу – планета обречена. Я уведу людей. А вы – как хотите. Можете вымирать потихоньку. Камбьядо же все ещё не смогли найти лекарство от своей стерильности?

– Что за любовь такая к людям? – Мэттью чувствовал на шее «удавку» из мыслей Джет. Они захлестывали – жгучие, ядовитые мысли. Она даже не пыталась скрыть этого.

Джет сверкнула глазами и «удавка» затянулась. Она совершенствуется, эта хищная штучка, а значит...

– Твой стабилизатор... – еле выдохнул Мэттью. – Ты уничтожила его?...

Для камбьядо стабилизатор в мозгу – неперемное условие для жизни. Без него невозможно продержаться и нескольких дней, ведь он следит за скоростью электрических импульсов, которая может достигать невероятных высот! Когда-то стремительные скорости импульсов погубили самых выдающихся камбьядо – им мозг просто перегревался, взрывался от напряжения.

– Уничтожила, – ответила она. – Он мне больше не нужен. Я развиваюсь. Ведь у меня нет двухсот лет в запасе, как у Джетаны Спеллер.

Её мысли были болезненны. Новый всплеск энергетической атаки заставил его дернуться в кресле, как от разряда электрошока. Сопротивляться он почти не мог – Джет гипнотизировала его.

– Мэтти, – произнесла она, и на этот раз в голосе прозвучала угроза, – никто из камбьядо не сможет противостоять моей силе. Я могу раздавить вас по отдельности, как клопов, стоит только захотеть.

Сомнений не было – так она и поступит. Враждебность, исключительной силы враждебность насыщала воздух. Мэттью чувствовал, как Джет проникает в его сознание, и теряет контроль над своим разумом. Но как, черт побери, она сильна! Просто не с чем сравнить её возросший потенциал – десятка? Двадцатка? Уровень Джетаны Спеллер? Но Джетана Спеллер никогда не позволяла себе таких мощных эмоциональных потоков, которые выбрасываются в пространство, растрачивая безумное количество умственной энергии...

– Мэттью, я зову тебя с собой, – мягко сказала Джет. – Я зову тебя выйти к людям.

– Это вряд ли, – хрипло ответил он. – И тебе не советую.

Перевести бы дух, выставить защиту...

– Нарциссы, – произнесла Джет с ненавистью.

Внезапно визгливо тренькнул персонатор – прибор внутренней связи Тьеррадендро, и это дало спасительную лазейку: Мэттью выскользнул из объятий влияния и за секунду возвел барьер в своих мыслях. Джет перехватила руку Мэттью, метнувшуюся к кнопке персонатора.

– Запомни то, что я тебе скажу, – прошептала она ему в лицо. – Джетана владела пси-волной двадцать пятого уровня, я владею девятнадцатым. Через секунду после того, как ты сообщишь обо мне, я буду уже за сотни километров отсюда, где-нибудь на Кубе. Джетана упоминала в своих книгах о гига-вэй – дороге к звездам. Я нашла её и изучаю... Так что, отныне будет по-моему.

Он нажал кнопку. Джет скривила губы. Пси-волна прошла по телу Мэттью резкой болью.

Включился персонатор. Вызывал Витор Сати.

Джет в комнате уже не было. Лишь тепло пси-волны все ещё держалось в кабинете. Но за дверью она уже не прощупывалась.

– Мике, – встревожено сказал Витор. – Зарегистрирован скачок потенциалов. У тебя все в порядке?

– Ко мне наведалься Джет, – ответил Мэттью, глядя на то место, где секунду назад стояла Джет... А на запястьях остались два ярко-красных пятна от её пальцев. Мэттью дотронулся до них и поморщился: болело так, словно это были термические ожоги. – Вит, она вернулась. Такой силы, какой теперь обладает она, я никогда раньше не встречал.

– Я сообщу шефу, – быстро сказал Вит и отключился.

«Училась жить со своим даром... без учителей...»

У камбьядо слишком много силы, слишком много возможностей. Первые шаги Джетаны Спеллер ясно показали, что воспитание измененного должно проходить по строгой, четко составленной программе. Стремление быть первым велико у каждого, но камбьядо, почувствовав свою силу, легко может поддаться соблазну абсолютной власти. Джетана Спеллер сумела внушить, что всякая жизнь должна подчиняться законам вселенского равновесия. Честолюбие, корысть, нетерпимость, глупая лесть, безжалостность, раздражительность, лживость, лень – все это должно раз и навсегда быть вычеркнуто из сознания. Джетана определила стандарт работы и поведения камбьядо, написала оптимальную программу, созданию которой она уделила большую часть своей длиной жизни. Джет хочет все это разрушить.

Камбьядо – врач планеты. Он него ждут только добра.

II

«...Десять лет войны отбросили Землю на века назад. Война распахала планету ультразвуковыми, вакуумными, атомными бомбами. Война заразила все вокруг радиацией. Европа – погибла. Австралия – ушла под воду. Африка – сплошь пустыня из расплавленного песка.

Северная Америка – не пригодна для жизни.

Только Южная Америка – там можно жить. Бывшие территории Перу, Колумбии... Туда бежали немногие люди со всех концов Земли, здесь они осели в полуразрушенных городах, здесь пытаются выжить и создать новую цивилизацию.

Я не помню родителей. Я не знаю, где я родилась. Моим домом стал монастырский приют. Здесь я ещё ребенком обнаружила свой дар, здесь я его совершенствовала и здесь же родилась идея союза «Тайники Сознания».

Человечество полностью не деградировало только потому, что собралось в одну большую коммуну, сгруппировалось на небольшом участке материка и поделилось друг с другом знаниями. И мы, измененные, должны были объединиться, чтобы выжить.

Кто такие измененные? Я до сих пор не могу спокойно произносить это страшное слово – мутанты. В монастыре детей с пороками развития называли менее жестоко – камбьядо.

...Ионизирующее излучение воздействует на все составные части тканей и клеток организма. Вода составляет больше половины массы всего тела и в процессе ионизации образует биологически активные вещества – свободные радикалы, вызывающие в теле цепные химические реакции. В итоге это приводит к продукции патологических белков, которые входят в состав хромосом. И одна интересная тенденция – синтез «ненормальных» азотистых оснований молекулы ДНК, вызывающих различные физические уродства, способствует также и одновременному развитию тех областей мозга, которые у обычных людей либо не задействованы вообще, либо блокируются другими участками мозга. Отсюда – дар. Я так и не сумела придумать другого, более емкого названия для такого чуда. Это действительно подарок, как бы компенсация за физическую неполноценность. Изучая немногие сохранившиеся документы, я узнала, что и до войны рождались люди, которые в той или иной степени наделялись природой даром предвидения или врачевания. Дар в то время позволял неплохо зарабатывать...

Для камбьядо не существует расстояний и преград, им не страшна радиация и большинство инфекций, они владеют телепатией, телекинезом, внушением и гипнозом. Камбьядо стерильны от рождения, у них не могут появляться дети. Поэтому только люди помогают пополнять наши ряды своими детьми.

Самый страшный враг измененного – он сам...

.....Стоит только на мгновение представить: обиженный ребенок-камбьядо научился причинять боль другим людям на расстоянии. Если учителям не удастся внушить основы социального психовзросления, то ребенок способен натворить кучу бед! За любую обиду он будет мстить, за боль – наказывать, на удар отвечать стократным ударом. А, вкусив сладость власти над более слабыми, он навсегда усвоит полнейшую безнаказанность грубых и жестоких своих поступков и причинит страдания множеству людей, независимо уже от того, обидели они его или нет...»

Джетана Спеллер. «Хрустальные грани сознания»

Мэттью никак не мог сосредоточиться на речи докладчика, хотя докладывали как раз об новых достижениях его отдела – уникальной разработке, «пластиконе», который можно было использовать и как заменитель кожи при пластических операциях, и как производное для выращивания костей и суставов.

Присутствующие на докладе коллеги, – все строго в одинаковых черных свитерах под горло и черных брюках, – внимательно слушали и удовлетворенно улыбались.

Джетана Спеллер, основательница союза, смотрела на собравшихся с огромного портрета, висевшего за спиной докладчика. Длинные светло-пшеничные волосы, чуть прищуренные внимательные глаза, высокий умный лоб, прикрытый завитками прядей, тронутые мягкой улыбкой губы... Она словно навсегда заняла свое место в зале, всегда присутствовала здесь физически, трезво оценивая успехи своих последователей. На свете её нет полвека лет, а о ней продолжают говорить так, будто она только-только вышла и скоро вернется. Она не умерла, она – ЗАКОНЧИЛАСЬ ЗДЕСЬ. Так говорят про всех камбьядо, ушедших из этого мира.

Мэттью задумчиво смотрел на портрет, в который раз поражаясь красоте Великой, и задавал себе одни и те же вопросы.

Где же она брала столько сил, чтобы практически в одиночку поднять камбьядо, разбудить их, расшевелить, заставить работать, поверить в себя и в свою исключительность? Откуда было у неё столько мыслей, столько талантов, столько психической энергии, чтобы оживить и дать новую жизнь наукам в тот период, когда все исследования вообще оказались забытыми, спрятанными, убранными в кладовые и библиотечные сокровищницы? Как сумела убедить измененных, что только они способны возродить Землю, спасти её от гниения и разложения?

Джетанова пластика, джетанова энергия, пси-волны, стабилизаторы, персонаторы, контроллеры, таинственный и покрывающий любые мыслимые расстояния гига-вэй, ещё не покорившийся камбьядо... Все это создавала она, поддерживаемая несколькими десятками учеников, такими же мечтателями, как она сама. И никто из её последователей так и не смог разгадать её тайну всепознания, никому так и не удалось повторить её исследования. Джетана осталась уникальной в своем роде, величайшей из всех. Её разум казался безграничным, он мог принимать и обрабатывать бесконечное количество информации, и она никогда не пользовалась стабилизатором, хотя в эти дни он стал необходимым для всех, кто переступал пороговый уровень в одну единицу стандартного потенциала.

Совершенная. Одна-единственная, кто познал звездный путь, кто прошел скачок, недоступный пока ни одному живому существу. Джетана неоднократно говорила, что её дар – от бога, что это он создал её, чтобы восстановить шаткое равновесие весов добра и зла, чтобы дать Земле ещё один, возможно – последний шанс на спасение. Она говорила, что каждый камбьядо обязан положить хотя бы маленькую часть себя на алтарь спасения Земли.

Она прожила сто девяносто три года. Написала книги, учебники, инструкции. Она создала много великих и нужных вещей, в том числе и союз – Тайники Сознания. Ушла же Джетана тихо и незаметно – просто однажды утром она не открыла глаза. Почему ушла?

Портрет висел так близко, что взгляд Джетаны гипнотизировал. Нарисованный талантливым художником, портрет то улыбался, то грустил, то хмурился – в зависимости от того, как падал свет. Сейчас Джетана смотрела задумчиво и немного печально.

«Ты где-то далеко от нас, Мэттью...»

Он вздрогнул, услышав яркую мысль. Обведя глазами присутствующих, он наткнулся на синий взгляд Ким Доу, эксперта по психоанализу и социальному взрослению.

«Ты ведь не слушаешь...»

«Извини, отвлекся, – он потер лоб. – Столько мыслей...»

«Проблемы? Давай выйдем».

Ким кивнула Мэттью и неслышно покинула свое место. Он мысленно извинился перед коллегами и последовал за Ким, осторожно прикрыв за собой тяжелую, обитую металлическими пластинами дверь.

Ким ни о чем его не спрашивала – незачем. Если человек захочет, он сам все расскажет о своих сомнениях. Не захочет – значит, это не её дело.

– Ко мне приходила Джет, – сказал, наконец, Мэттью.

– Знаю, – сказала она. – И тебя взволновало то, что она сказала?

– Не то, чтобы очень... Но теперь у меня дурное предчувствие.

– Почему?

– Она теперь совсем другая. Она ушла из союза девочкой-ученицей, а вернулась сильным камбьядо. Я такое чувствовал... – он передернул плечами. Ким слушала его внимательно. – Она проникла в Тьеррадентро и ни один датчик не сработал. Когда она уходила, заверещала аппаратура у Вита, но, может быть, сама Джет позволила ей почувствовать себя. Она что-то затевает.

– Она всегда что-то затевала, – сказала Ким. – Она вообще уникальна. Но я не думаю, что тебе стоит опасаться её.

– Ким, нас учат защищаться от воздействия радиации, жары, холода и света. Но нас не учат сопротивляться ментальным атакам чужаков. А она чужак. Очень опасный чужак.

Ким молчала, уперев взгляд в стену.

– Думаешь, беспокоится не о чем? – спросил он.

– Тебе важно знать, что я думаю? – вот такая она вся – прежде, чем высказать свое мнение, обязательно поинтересуется, хочет ли собеседник его услышать. Он кивнул.

– Джет, несомненно, захочет как-то проявить себя. Но мы будем готовы. К тому же ты утомлен – твоим отделом сделано важное открытие, проведена большая работа. Твои чувства обострены до крайности и поэтому Джет сумела произвести на тебя сильнейшее впечатление. Всё, что тебе нужно сейчас – отдых.

– Я не чувствую себя уставшим, всё нормально, – отмахнулся Мэттью с некоторой досадой. Почему-то он решил, что сейчас Ким должна будет рассказать ему что-то такое о Джет, чего он сам никогда не знал, и потому разочаровался в её ответе.

– Разброд мыслей, неспособность понять простые вещи, о которых говорит докладчик, рассеянность и невнимание, – ответила Ким. – Мне провести полный анализ твоего состояния?

Ким права всегда. И даже если Ким не права, она все равно права. Она не ошибается, это известно всем. Она каким-то внутренним чутьем способна за секунду докопаться до причины проблемы и устранить её движением бровей. Не послушать её совета – не уважать Ким.

Мэттью хмыкнул, не глядя на её. Ким вдруг мягко положила свою руку ему на плечо.

– Пятьдесят часов полного отдыха, – сказала Ким. – Я сама подам заявку шефу от твоего имени. Пройдись, отвлекись. Остуди голову.

У него не возникло ни тени сомнения: Ким умела убеждать.

III

С Ким Мэттью работал уже давно. И считал это честью для себя, необычайным везением, что его, совсем юного эксперта по джетановой пластике, сразу после выпуска отправили работать в активную группу учителей. И учителем по психоанализу и социальному взрослению там была Ким. Она многому научила Мэттью. В школе с такими учителями ему встретиться не посчастливилось.

Мэттью был, конечно, талантлив – после сдачи экзаменов ему сразу присвоили шестой уровень. Хороших пластиков было чрезвычайно мало, а талантливых – ещё меньше. Поэтому Мэттью и поручили наиважнейшую работу: пациенты его были самые маленькие, самые тяжелые. Сделать первую оценку и определить фронт важнейших работ – тут надо быть математиком и художником, скульптором и механиком, инженером и поэтом, хирургом и программистом.

Он очень волновался, когда в первый раз спускался на лифте в лаборатории. В Тьеррадентро он до этого был всего два раза: как ученик начальных классов и как стажер. Это были обычные стандартные экскурсии, но на его впечатлительную натуру они произвели большое впечатление.

Огромный многоуровневый город-институт под землей... До войны Тьеррадентро был древним некрополем со своими загадками и тайнами. Война превратила его в бомбоубежище и приют для уцелевших после бомбежек людей, Джетана Спеллер и камбьядо превратили его в центр научной жизни планеты.

Мэттью встретил эксперт по координации Витор Сати – кареглазый шустрый юноша, почти всегда пребывающий в хорошем настроении и усиленно старающийся распространить свое настроение на других. Ещё у него была отвратительная привычка – придумывать прозвища коллегам. Большинство из них успешно приживались.

– Значит, ты и есть Мэттью Гендерсон, наш новый пластик? – сказал Витор весело. – Наслышан!... Вообще-то, наверное, так чудесно чувствовать себя скульптором, а?... Микеланджело!...

И он громко, с выражением продекламировал, придав лицу трагическое выражение и прижав одну руку к груди, а другую откинув в сторону:

– «... И люди в мраморе – творенья дивных рук, – во славу Микеланджело поют!...»
Знаете, откуда? – спросил он.

– Не имею ни малейшего представления, – ответил Мэттью.

– Я тоже, – сказал Витор. – Впрочем, не имеет значения. Итак, Мике, приступаем к самостоятельной работе.

Эксперт Гендерсон кашлянул.

– Меня зовут Мэттью, – вежливо поправил он, еще не зная, что прозвище Микеланджело, или коротко Мике, навсегда пристанет к нему. Солидная часть его коллег по работе только так и станет отныне называть эксперта Гендерсона... – Пластик-эксперт шестого уровня.

– Шестого? – юноша искренне позавидовал этому обстоятельству. – Здорово. А это наша Кимуша! – добавил он это уже с другими интонациями – тут было и уважение, и восхищение, и даже нежность.

– Ким Доу, – сказала девушка и протянула руку. – Эксперт по психоанализу и социальному взрослению.

Мэттью, как замороженный, пожал маленькую узкую ладонь. Мало того, что девушка была необычайно красива – ярко-синие притягательные глаза, угольно-черные выющиеся волосы до плеч (в свете ламп они блестели и были похожи почему-то на проволочные спи-

ральки), тонкие черты лица, спортивно-стройная фигура в черной одежде камбьядо, – так ещё и голос какой...

Такой тембр можно воспроизвести на компьютере, смоделировать на аппаратуре... Он мягко вибрирует, проникает внутрь, наполняет светом сознание... Но чтобы такой голос принадлежал камбьядо?...

С таким голосом не спорят – ему верят с первых звуков. Он убедителен. Он может убить. Похвала из уст обладателя такого тембра – высшая награда. Гипнотический голос, наркотический. К нему вырабатывается зависимость, его хочется слышать снова и снова, всегда, постоянно...

Ещё одна характерная черта – от Ким не исходило ни одной эмоциональной волны. Каждый сантиметр кожи камбьядо, каждая клетка его мозга – это приемник, улавливающий малейшие колебания в пространстве, но Ким эти колебания просто не создавала. У неё не было эмоций. Много позже Мэттью узнал, что ещё в раннем детстве у Ким обнаружили высокий потенциал, но причина таланта скрывалась в чудовищной опухоли, разъедавшей её мозг. Чтобы сохранить жизнь Ким и не лишиться дара, камбьядо вживили ей в голову нестандартный стабилизатор – он не только контролировал скорость потока импульсов, но и полностью блокировал выработку некоторых гормонов и их воздействие на восприимчивые нервные клетки, отвечающих за эмоции. Нет эмоций – нет гормональной пищи для опухоли, развитие её остановилось. Ким улыбалась, но никогда не смеялась; сочувствовала – но не сострадала; грустила – но не плакала; журила учеников – но никогда не злилась и не кричала... Её эмоции так и остались в зачаточном состоянии. И при всем при этом, Ким удавалось распространять вокруг себя спокойную уверенность, в которой можно было нежиться и которой можно было пользоваться...

Мэттью задержал её ладонь дольше, чем следовало бы при первом знакомстве. Но Ким просто стояла и ждала, когда он отпустит её. Мэттью с трудом вышел из-под влияния эксперта по психоанализу.

– Ты первый день здесь? – спросила она. – Несомненно, у тебя множество впечатлений.

– Да, – ответил Мэттью, не зная ещё, следует ли ему поделиться с новыми коллегами щенячьим восторгом по поводу своего появления в Тьеррадентро или сохранить маску полнейшей невозмутимости.

Он, наверное, должен был сказать какой-то общий комплимент, но Ким уже отвернулась к Виту:

– Что у нас на сегодня?

– У Мике сегодня дебют, – сказал Вит, заглядывая в свою электронную записную книжку.

– Мэттью, – вновь поправил эксперт, но увидев, как на него одновременно взглянули Ким и Вит, стусевался.

– Ученик – полтора года, зовут Леона. Потенциал высокий – около тройки. А вот искажения... Взгляни-ка глазом профессионала.

Это было похоже на экзамен. Мэттью осторожно взял фотографию. Да уж... Впрочем, он видал и не такое... Ким внимательно следила за его реакцией, и посчитала её правильной.

– Начнем, – сказала Ким. И они отравились на свой первый урок.

Точнее, он был первым для Мэттью и Вита, а Ким имела за плечами солидный опыт.

Работать самостоятельно Мэттью понравилось. Ещё бы! Никто не подсказывал ему на этот раз, не делал замечаний, не контролировал, поглядывая из-за плеча. Работал он с упоением, вдохновлено, и его пациентка с благодарностью отзывалась на все коррекции. А было их много. Врожденные физические уродства – полидактилия, «волчья пасть», и даже признаки ихтиоза, сильно развитое третье веко – понемногу исчезали под умелыми руками Мэттью. Усилиями разума он превращал тело в податливый пластичный материал и лепил из него совершенство.

Первый раз ему пришлось «услышать», как работает с учениками Ким, и он был полностью сражен легкостью, с которой эксперт по психоанализу завоевывала внимание ребенка. Ким проецировала в сознание малышки простые и понятные картины: утреннее небо, звенящий ручеек, легкое волнение на бесконечном травяном поле, пестреющем белыми пятнами каких-то цветов, олененка, играющего с птенцами, кучу щенков, повизгивающих в игровой возне, живых кукол, одетых в розовые платья.

Леона зачарованно следила за мыслями Ким. Потом она начала отвечать, и Мэттью разобрал образ маленькой темноволосой женщины, что-то стряпающей на открытом огне во дворе, огромную собаку, мирно дремлющую в тени дерева, желтые лучи солнца, лежащие на полу в детской.

Ким вовлекла ребенка в долгий интереснейший разговор. Он продолжался больше двух часов, а потом Леона, зевнув, закрыла глазки и уснула прямо в своем манеже.

Потенциал Леоны оказался действительно высоким. Сегодня, спустя годы, она уже успешно прошла все тестирования, и приступила к обучению на первом курсе специализации. Она твердо решила совершенствоваться в психоанализе. Теперь нельзя было узнать в смешливой смуглолицей красавице того больного полуторагодовалого малыша, весь мир которого замкнулся на уродливых деревянных игрушках и пыльном дворе.

Потом было много учеников, много лиц и много коррекций. Их прошло перед глазами столько, что не мудрено и забыть большинство из них. Но он помнил каждую личность в отдельности. Он бережно хранил в себе эти воспоминания. Каждому пациенту требовался индивидуальный подход, ведь внешность – не просто красивая маска, а именно собственный стиль, определяющий и подчеркивающий яркие черты характера. Природа жестоко мстила за то, что человечество отравило её радиацией. О, как она умудрялась исказить человеческие черты, как она уродовала тела и души, как издевалась она над сознанием! Она причудливо скручивала кости, расплющивала и сжимала черепа, выращивала жуткие наросты на различных участках тела, создавала ненужные и опасные лишние органы, или, наоборот, чего-нибудь недодавала – зрения, слуха, осязания...

Детей надо было спасать.

Так делала Джетана Спеллер. Так она велела делать своим последователям.

IV

«... Сознание человека – вещь абсолютно непознанная и таинственная. С рождением камбьядо сознание было вынуждено приоткрыть свои тайники и подарить кое-какие удивительные способности новым созданиям.

Пройдя длинный путь развития, мозг стал совершенным компьютером. Но, как любая часть живого организма, он способен уставать.

Утомление – это нарушение проведения импульсов от одной нервной клетки к клетке. При утомлении сильно уменьшаются запасы вещества, которое обуславливает передачу импульсов, а также уменьшаются энергетические ресурсы самой нервной клетки. Но это не значит, что утомление или даже гибель нервного центра (скажем, дыхательного) повлечет смерть всего большого организма. Ничуть.

В мозге не существует ничего в единственном роде. Нет ОДНОГО дыхательного центра, ОДНОГО центра слюноотделения. В мозге все продублировано, все «застраховано» на случай непредвиденных ситуаций. Нервные образования, связанные с регуляцией той или иной жизненно важной функции, очень часто располагаются в различных отделах мозга. Тот же дыхательный центр, к примеру, представляет собой целую большую совокупность нервных образований спинного, продолговатого, среднего, промежуточного мозга и коры больших полушарий.

Человек может полностью доверять своему мозгу.

...Память, эмоции, чувства, ощущения – тоже принадлежат мозгу. Воспоминания – это заряд, сохраненный в живых клетках.

Ещё триста лет назад ученые обнаружили, что если приложить к определенному месту коры головного мозга электроды и наносить раздражения слабым током, то человек способен вспомнить давно забытое. Это означает, что никакая информация, как бы давно она не была получена, не исчезает из памяти бесследно...

...Мысль – это импульс, бегущий из клетки в клетку по волокнам, называемым аксонами и дендритами. Импульс – это раздражение, а затем возбуждение. Скорость проведения возбуждения в нервных волокнах колеблется у человека в пределах 70 —120 м/с. Но она может значительно увеличиваться в зависимости от ситуации. У камбьядо этот показатель в среднем выше в 8 раз... И примерно во столько же раз он может возрастать по мере овладения даром.

Если мышцам нужен определенный отрезок времени, чтобы приспособиться к новым нагрузкам, то и нервным клеткам требуется адаптационный период. По мере овладения даром, в мозге ускоряется обмен веществ, увеличивается скорость импульсов, чувствительность. Если проводить ускорение постепенно, что является обязательным условием нормального взросления, то клетки приспособиваются и принимают новый ритм практически безболезненно. Для контроля за ускорением был разработан стабилизатор, который безболезненно вживляется в мозг камбьядо на первом же уроке. Он крохотный, размером с игольное ушко. Он не мешает познанию мира, но придерживает мысли тогда, когда они создают опасность для жизни. Так можно учиться, не испытывая дискомфорта, пользоваться даром, применять пси-энергию, чувствовать чужие мысли, играть молекулами веществ, изменять сути вещей, понимать смысл и важность «социального взросления» и вникать в направление своего собственного пути.

Сначала я сама выступала в роли стабилизатора, обучая первых своих учеников. Это было сложно. Стабилизатор расширил возможности камбьядо и их учителей».

Джетана Спеллер. «Хрустальные грани сознания»

Мэттью Гендерсон послушался совета Ким – почти сутки сумел выдержать в своем кабинете, лежа на диване и медитируя. Но расслабиться и отдохнуть так и не смог – он разучился это делать, всегда погруженный в работу. Поэтому он незаметно покинул Тьеррадентро, ско-

ванный сталью и стеклом, преодолел перевал на пси-волне, и оказался в Пасто, городке, ничем особо не выделяющемся на карте Южной Америки. Защищенный горами, Пасто выжил после бомбардировок ультразвуковыми бомбами, сохранил свою неповторимую архитектуру, коренное население – индейцев, прозрачное небо, кондоров, кружащихся над горами, и обильные дожди, приносимые с Тихого океана.

Ультразвуковые бомбы простерилизовали значительную часть территории Южной Америки. Уцелели только живые существа в местностях, окруженных горами. После войны на относительно чистые земли устремились остатки человечества, поперемешались, создали новые городки и конгломераты, с гордостью сохраняя то немногое, что осталось от их культур. Национальные общины держались поначалу очень независимо, но плодородная земля, реки, тепло, отсутствие хищников и паразитов – чем не рай? Жить хотелось всем, а в одиночку никак не выжить даже в благодатном раю.

Пасто очень повезло – его канализация, водопровод, гидроэлектростанция, дороги, дома, значительное количество машин остались в целостности и сохранности, и продолжали облегчать жизнь кучке землян, доверчиво отдавших свои сердца городку в горячих горах.

Мэттью шел по едва освещенным улицам городка, полным гама, шума и музыки. Были выходные и население, отработавшее всю неделю на полях и заводах, облегченно ныряло во мрак баров, устроенных в подвалах и с наслаждением потягивало густое ледяное пиво, отирая с разгоряченных лиц пот.

Стояла жара, немногие робкие струйки фонтанчиков оккупировала детвора. Темные от работы, усталости и пыли лица их ещё хранили следы беспечности и открытого детского удовольствия оттого, что можно просто поплескаться чистой водой, окатить друг друга из кружки, легко и стремительно пробежать по центральной площади, выложенной коричневым булыжником, посмеяться, затеять возню.

Из узких окон на асфальт ложились оранжевые полосы света, и от этого темнота вокруг становилась синей, густой, как сироп, и прохладной. Со всех сторон неслись мысли – Мэттью слышал их все, они были для него привычным гулом города.

«...Где он ходит?... Где его, черт возьми, носит? Я убью его собственными руками!... Негодяй!»

«... Как же гудят мои бедные ножки!... Сейчас приму ванну, налью чего-нибудь крепенького и – спать. Спать, спать, спать... Какое сладкое слово...»

«...Ничего не понимаю... Куда я могла задевать свои очки?»

Один человек – одна мысль, образ, не имеющий четкости, ясности и часто эмоционально не выраженный.

«...Этот ребенок просто невыносим! Когда же он уснет, наконец?... Я просто валюсь от усталости!»

«А море шумит совсем рядом... Горячий песок, волны... И в голове тоже шумит...»

«Ходят и ходят под окнами... Чего им всем надо? Дня, что ли, нету? Бухают сапогами, в голове такой звон стоит. Вот дурак какой-то топает. Жара, а на нем черное пальто. Совсем с ума съехал?...»

Добрые мысли, злые мысли, счастливые, равнодушные, путающиеся от усталости, логичные, детские, наивные, мечтательные, ласковые, навязчивые, странные, удивительные, ворчливые, сердитые, спокойные, строгие, развратные... Наперегонки бегут со всех сторон и почти нельзя различить, кому какая мысль принадлежит. Удивительно.

«Облака! Закат! Оранжево-коричневое небо, кровавое солнце с разводами... Потрясающая картина увядающего мира...»

«Будет день и будет пища».

И среди безликой серости мыслей вдруг выделилась одна, скользнувшая быстрой перепуганной ласточкой по воздуху:

«...Помогите!...»

Мэттью на мгновение остановился, прислушиваясь. Прямо над головой вспыхнул яркий свет в окне, и желтая полоса воткнулась в глаза Мэттью. Он моргнул несколько раз, прищурился на лампу, и продолжил неспешную прогулку.

Худой бродяга, завернутый в грязное тряпье, приподнялся с кучи хлама и пьяными глазами взглянул на задумчивого молодого человека, медленно шагающего мимо каменных стен домов. Удивился опрятности и строгости костюма, столь редкого для города, где все день и ночь в поте лица трудятся, чтобы прокормить себя, и вновь впал в беспокойный сон, прерываемый вечерним шумом.

Его мысли были запутаны и навязчивы:

«... Все болит, как будто трактором проехали по моим костям. И печенка ноет, и руки ломит... И кому интересно шляться по закоулкам, да ещё ночью?... В затылке стучит... Верно, гроза завтра будет, недаром такая духота целый день держалась... Чего этот господин здесь вынюхивает? Вроде и не смотрит по сторонам, а глаза так в меня и впиваются...»

И снова быстрая ласточка мелькнула в сознании:

«...Кто-нибудь! Пожалуйста...»

Мэттью ускорил шаг, чтобы не поддаваться нахлынувшим эмоциям. Если он будет откликаться на все мысленные вскрики и зовы, то просто не сможет нормально жить. Люди нежны, и они кричат даже тогда, когда им хорошо...

«...Помогите!...»

Столько боли в короткой мысли, а ещё больше отчаянья и страха.

От нагретых стен веяло жаром, но по спине Мэттью пробежал холодок. Запахнув полы черного длинного пальто, он втянул голову в плечи и быстро вышел из переулка. Вслед ему несло слабое и затухающее:

«...Пожалуйста...»

Он не смог уйти.

Мэттью окинул взглядом освещенные окна, ухватился мысленно за нечеткий след страха, и проследил тонкую нить контакта, ведущую в черный проем под самой крышей дома.

Вдохнув обреченно, Мэттью оглянулся, проверяя, не подсматривает ли кто за ним, и перешел на пси-волну. Его темный силуэт качнулся в нагретом воздухе, стал прозрачным и пересекся несколькими полосами пространственного искажения. А потом исчез. Пьяный прохожий, заглянувший в переулок, вылупил глаза и открыл рот, намереваясь закричать, но почему-то передумал и громко икнул.

«Господи всемогущий!... Померещится же такое!...»

Мэттью остановился на подоконнике, распахнул окно и заглянул в комнату. Слабый голубоватый ночник почти не давал света, но привыкшие к мраку глаза разглядели что-то белое, призрачное, неподвижно лежащее на полу. В воздухе чувствовался запах газа.

Газовая плита на крохотной черной кухоньке не горела, но все ручки были отвернуты до предела. Мэттью перекрыл шланг, распахнул кухонное оконце и вернулся в комнату.

Присев, он осторожно прикоснулся к белому призраку, перевернул и различил серое и мертвое, но очень милое лицо с закатившимися под лоб глазами.

Совсем юная девушка почти ничего не весила. Мэттью переложил её на скрипучий жесткий диван и принялся приводить в чувство.

Сердце билось едва-едва, но все-таки билось. Чтобы заставить легкие работать, Мэттью пришлось долго делать искусственное дыхание.

Холодная ладонь приподнялась и коснулась серого лба. Дрогнули голубоватые неживые веки. Мэттью снял пальто и накрыл девушку.

С трудом ворочая сухим языком, она шепнула:

– Кто ты?

Он не ответил, подтыкая под спину мягкую ткань пальто.

– Кто ты? – повторила она. – Доктор?

Мэттью успокаивающе погладил её по тонкому плечу, помолчал и неохотно ответил:

– В каком-то роде...

Неприятный запах улетучивался, разносимый сквозняком по переулку. Город остывал, и приятная прохлада проникла в душную комнату.

Он посидел ещё несколько минут, потом поднялся, намереваясь уйти, но она вдруг ухватила его за руку и потянула к себе.

– Не уходи, – чуть слышно попросила она. – Мне страшно.

Понимая, что совершает ошибку, Мэттью вновь сел. Холодная ладонь скользнула по плечу и легла на колено. Он кашлянул, заполняя тишину.

– В следующий раз будьте осторожны с газовой плитой, – хмуро сказал он. – Ведь меня может рядом и не оказаться.

В знак согласия она прикрыла глаза. В её голове не было ни единой мысли, словно мозг полностью отключился от происходящего.

– Как страшно оживать, – внезапно шепнула она странным голосом. Мэттью невольно наклонился к ней, чтобы расслышать получше. – Умирать не страшно, а оживать – да...

Словно извиняясь за молчание, несколько робких мыслей появилось в её голове. Мэттью без труда прочитал их и опустил голову, потрясенный.

– Зачем? – тихо спросил он.

– Что? – прошелестел её голос.

– Зачем вы хотели покончить с собой?

– Жизнь сера и беспросветна. Будущего нет. И судьбы нет. Надежды нет. Страшно жить... Я так устала... Надо бороться за каждый день, я понимаю, но я устала...

Она засыпала, чувствуя облегчение от признания и близости сильного человека. Сознание, затуманенное страхом и отчаянием, проваливалось в забытие.

– Жизнь – это подарок, – сказал Мэттью. – Нужно всегда сражаться за свою жизнь.

«...Ради чего?» Она хотела, кажется, произнести вопрос вслух, но не хватило сил сопротивляться сну.

– Мы нужны Земле, – ответил он. – Она умрет без нас.

Родилось удивление, но быстро угасло. Она только успела шевельнуть губами, чтобы беззвучно произнести: не уходи. И уснула.

Он убрал со лба темные кудрявые пряди волос. На бледном лице брови казались неестественно черными, а губы – тонкими и безжизненными. Вместо того, чтобы уйти, Мэттью встал перед окном и посмотрел на небо. Звезды терялись в дымке наплывающих туч.

«Гроза идет. Так сладко спать под шум дождя».

В подтверждение его мыслей далеко на горизонте блеснула молния.

V

Ученица Мета спросила:

– А насколько трудно будет меня изменить?

– Легко ничего не бывает, – уклончиво произнес Мэттью, делая пометки в электронном корректоре. – Но если у тебя достаточно терпения и силы воли, то все пойдет значительно быстрее и продуктивнее. Альбинизм – явление редкое и сложное, но не безнадежное.

– Терпения-то у меня достаточно, – вздохнула Мета. – Это, пожалуй, единственное, чего у меня много.

Ким неопределенно покивала. Её работа на сегодня закончилась, и теперь она ждала Мэттью, чтобы вместе вернуться в Тьеррадентро.

С Метой они работали уже два года. Ребенок из индейского селения родился альбиносом, что вызвало непомерный ужас родителей и сельчан. К счастью, других серьезных искажений не обнаружилось. А вот альбинизм был нелегким случаем. Поэтому эксперты подождали, пока Мета подрастет и сама сделает выбор – остаться белокожей среди темных людей, или постепенно стать такой же, как все.

– За два дня, разумеется, мы ничего не сделаем. Чтобы не навредить твоему здоровью все придется делать поэтапно, понимаешь? Сначала восстановление кожного пигмента, потом изменение цвета волос и глаз...

– Но ведь будет результат? – нетерпеливо прервала Мета.

– Будет, не волнуйся, – улыбнулся Мэттью.

Приемная мать девочки встревожено прислушивалась к голосам, идущим из детской. Не то чтобы она слышала их ясно, но ей казалось, что Мета с кем-то оживленно болтает. Несколько раз она на цыпочках подходила к двери, заглядывала в замочную скважину, но видела только малышку Мету, сидящую смирно в своем игровом уголке с куклами.

– Мне уже пора выбирать специализацию? – выразительно спросила Мета, всем своим видом показывая, что ей труда не составляет произношение и понимание таких серьезных слов.

– По-моему, рановато, – ответил Мэттью, оглянувшись на Ким. Та молчала, словно бы прислушиваясь к чему-то. Её зрачки были расширены и неподвижны. Задумалась.

Мета была болтлива, нетерпелива и до жути любопытна, как все дети. Начав изучать тайны своего сознания, она хотела узнать все сразу и, по возможности, без регулярного контроля со стороны взрослых учителей. Ким сдерживала её порывы, но сейчас учитель Доу ушла в себя, и можно было без опаски засыпать вопросами Мэттью.

– Когда я научусь быть невидимой, как вы?... А я смогу перелетать через океан? Мама говорит, что его даже на огромном корабле переплыть очень трудно... А я смогу мысленно говорить со своей собакой?... А маме нельзя говорить о вас? Знаю, знаю – она может испугаться. Так мне говорит Ким... Кто научит меня лечить людей, как ты?... Кто тебя учил?... Правда, что научиться летать очень трудно?... Ты сразу полетел?

Мэттью не успевал ответить на один её вопрос, как она задавала другой. Похоже, ей не важен был сам ответ, она просто наслаждалась тем, что можно болтать мысленно. Ей очень нравилось, что камбьядо общаются, не раскрывая рта. Пока Мэттью делал набросок последовательности корректирующих процедур, она забавлялась с тонкими лучинками, разбросанными на полу. Мета подбрасывала их в воздух, не касаясь руками, строила из них фигурки, буквы, какие-то непонятные символы, потом ломала их и разбрасывала. Это было домашнее задание: сегодня Ким как раз прошла с ней основы телекинеза. Мета быстро ухватила самую суть и не теряла времени даром, упражняясь с лучинками.

Девочка совсем заболтала Мэттью, и когда он закончил свою работу, то почувствовал себя чрезвычайно утомленным.

– На сегодня – всё, – выдохнул он, обращаясь к Ким.

Она как будто бы не услышала его, поскольку даже не шевельнулась, но он знал, что Ким просто дает ему немного времени, чтобы собраться с мыслями и сосредоточиться на пси-волне.

– Ну, Мета, – сказал он весело болтающей девочке, – будь умницей и не шали слишком много... А мы...

Он не закончил, потому что дверь под напором сильного мужского плеча слетела с петель и с грохотом упала на пол. В комнату ворвался огромного роста мужчина, черноволосый, полуголый, взмокший от пота, и подхватил Мету на руки. От неожиданности Мэттью на секунду забыл, что сейчас люди его видеть не могут, и чуть было не дал деру, когда свирепый папаша обвел взглядом комнату, задерживаясь глазами на том месте, где стоял Мэттью. Любой камбьядо без проблем справится с человеком, какой бы силой последний не обладал, но инстинкт самосохранения есть инстинкт самосохранения. Он диктует первую реакцию.

Ким шевельнула иссиня-черными ресницами и равнодушно оглядела мужчину с ног до головы. Мета обрадовано обхватила отца ручонками и что-то неразборчиво заворковала.

Вид пустой комнаты и разбросанных игрушек успокоил родителей.

– Говорю же, показалось тебе, – раздосадовано произнес отец, обращаясь к женщине, испуганно выглядывавшей у него из-за спины. – Мета лопотала что-то, а ты и в панику...

– Но ведь я слышала два голоса – женский и мужской, – робко возразила она. – Да к тому же дверь эту я никогда не запираю, а открыть не смогла.

– Петли смазать надо, – буркнул мужчина, отпуская Мету.

Ким подняла руку и коснулась пальцем виска, выходя на трансперсонную связь:

– Вит, она нас слышит... Сможешь оценить потенциал?

Мэттью тоже настроился на ту же волну и услышал Вита, вещающего из своей лаборатории в Тьеррадентро:

– Еле-еле на единичку тянет...

– Маловато. Не будет толку... Пошли, Мэттью...

Она поднялась из кресла, подошла к Мете и погладила её по щеке узкой ладонью:

– Увидимся, девочка...

Ребенок радостно помахал ей рукой. Мать заметила это быстрое движение, чуть слышно охнула и незаметно перекрестилась, про себя шепча короткую молитву.

Солнце стояло в зените. Было душно после сезона дождей, испарения поднимались от горячей земли влажными волнами пара. Ким бросила взгляд на солнце, потом на часы и сказала, глядя вверх головы Мэттью:

– У нас четыре с половиной часа до следующего урока.

– Ты домой? – спросил он.

– К Виту. Мне не нравится любопытство матери Меты. Нужно поставить барьер, иначе однажды эта женщина сойдет с ума от голосов, которые слышит в комнате дочери.

– Да, пожалуй...

Она не спешила покидать его. Вглядываясь в шевелящуюся завесу дня, она, видимо, ждала, что Мэттью объяснит ей, куда это он исчезает после каждого урока последние несколько недель. Мэттью знал, что Ким давно заметила его странное поведение, но спросить об этом она бы себе не позволила – у каждого есть право на личную жизнь, даже у камбьядо. И Мэттью бессовестно пользовался её тактичностью.

Сейчас он смущенно посмотрел на неё, виновато покосился на часы и тоже уставился на растянувшийся пейзаж. Ему не хотелось уходить первому – ему почему-то казалось, что Ким непременно последует за ним... Нет, она не станет следить – никогда не опустится до такой мерзости эксперт Доу.

Эксперт по психоанализу и социальному взрослению прикрыла ярко-синие глаза и растворилась в воздухе. Мудрая Ким. Все она всегда понимает правильно. Вздохнув с облегчением, Мэттью быстро вышел на пси-волну и умчался прочь от раскаленной равнины.

Город был тих и почти пуст. Все на работе – только тоненько журчит скромный фонтанчик на центральной площади, кошки прячутся от солнца в жидкой листве деревьев, да несколько стариков сидят в тени каменных стен и ведут неспешный тихий разговор. На всех окнах плотно задернуты занавески.

Мэттью протопал ботинками по металлическим решеткам канализационных колодцев и легко преодолел в полете два этажа.

Знакомое окно приветливо распахнуто – она привыкла, что он приходит внезапно, и никогда окно не закрывает. Да даже если бы и закрыла, забила досками, залила цементом, он все равно бы приходил, хотя бы просто для того, чтобы взглянуть на неё.

Он спрыгнул с подоконника и отдернул тяжелые темные шторы. В комнате царил прохлад и сумрак. Глаза быстро привыкли к темноте.

– Делл? – окликнул он, и тут же на его голос из кухоньки выглянула темноволосая голова.

– Я ненадолго, – сказал Мэттью, заглядывая в кухню, чтобы посмотреть, чем она занята. Делл мыла кисти, и вся раковина была заляпана разводами красок.

– Ты всегда ненадолго... – отозвалась она с улыбкой.

После того, как кисти были тщательно вытерты, она вымыла руки и обняла его.

– Я готовлю сюрприз для тебя, мой ангел, – прошептала она ему на ухо. – Но пока ничего не скажу. Это будет моим лучшим творением!

Она была художницей. Не слишком талантливой, но после войны её картины вполне могли играть роль произведений искусства. Война уничтожила все, что можно было уничтожить. Ни музеев, ни галерей, ни сокровищниц – ничего не осталось. Люди бежали от войны, не особенно беспокоясь о скульптурах и картинах – им нужно было спасти свою жизнь. Но даже столько времени спустя Земля по-прежнему нуждалась в том, чтобы кто-нибудь рисовал её лики, сохраняя на холстах чудные отсветы океанских закатов и переливы зеленых шапок джунглей. Делл рисовала, потому что жила мечтой и красотой, вкладывала массу старания и терпения, но все равно её картины уходили почти за бесценок. Она бы вообще отдавала их даром, но картины оставались единственным средством существования. Они кормили её, одевали. Работать на фабрике или в полях Делл не могла – больное, с рождения, сердце не выносило даже малых физических нагрузок.

Она приняла Мэттью за своего Ангела-Хранителя. С того самого дня, когда он впервые появился и спас ей жизнь, Делл так и называла его – ангел мой. Она не удивлялась его внезапным появлениям на подоконнике, таким же внезапным исчезновениям, таинственным недомолвкам... Она приняла его за ангела, а он сразу же очаровался её нежностью, простотой и преданностью.

Делл ничего не знала о Мэттью. И не хотела знать. Он стал для неё новым вдохновением, его лицо так или иначе стало появляться во всех её картинах. Мэттью с удивлением узнавал себя то в белых морских пенных волнах, то среди странно изогнутых веток нарисованных деревьев.

Он привык приходить к ней. Она угощала его чаем, спрашивала, хорошо ли сегодня на побережье, рассказывала о своих идеях – отдушина, которая стала острой необходимостью после того, как Джет своим внезапным появлением и странными речами внесла сомнения в его душу.

Делл усадила его на скрипящий диванчик и прижалась к нагретому рукаву плаща.

– Всегда удивляюсь, как ты жив остаешься, блуждая по такой жаре в черной одежде, – сказала она.

– Я умею неплохо приспосабливаться...

Ему в который раз захотелось рассказать о том, кто он такой. Он уже раскрыл рот, чтобы произнести: Делл, мне нужно сказать тебе кое-что важное, – но тут же представил себе лицо Ким, и промолчал, издав непонятный вздох.

– Сегодня мне приснилась старая крепость, – сообщила она доверительно. – Такая странная – сложена из огромных коричневых камней. Стоит на вершине горы и сверкает под солнцем, словно обрызганная золотой краской. Величавая, неприступная, загадочная... Я, как только проснулась, сразу же набросок сделала...

Она протянула руку в сторону и взяла несколько листков. Наброски карандашом изображали знакомую для Мэттью крепость. Он пожевал нижнюю губу.

– Это Мачу-Пикчу, крепость инков, – сказал он.

– Она существует на самом деле? – изумилась она.

– Все, что ты рисуешь, существует на самом деле. Все твои пейзажи, заливы, замки, города – я видел их реально. Как у тебя это получается, а?

Делл вяло пожала плечиком и ответила:

– Я вижу все во сне...

У неё не было никого ближе Мэттью. Но камбьядо может иметь с человеком только сухие деловые отношения. Но какие тут деловые отношения с художницей, которая нашла в нем понимание и родственное одиночество?

Поддаваясь внезапному порыву чувственной благодарности за её присутствие рядом, он произнес:

– Хочешь, я покажу тебе эту крепость?

– Что? – удивленно спросила она.

– Я могу показать тебе все, что ты рисовала, – сказал он.

Как легко, однако, сделать её счастливой, подумал он, увидев вспыхнувшие радостью и недоверием глаза. Нарушая все правила ТС, он добавил:

– Я покажу тебе много такого, чего ещё никто из людей не видел!

– Когда? – прошептала она.

– Скоро.

Её ладонь скользнула по его щеке. Он слышал её мысли, и они звучали настоящей песней – яркие эмоции, самые искренние и светлые. Зная, что будет наказан угрызениями совести, Мэттью мысленно махнул на все инструкции и законы, вложенные в его голову заботливыми учителями.

– А как мы туда доберемся? – спросила Делл.

– Ты ведь сама все время повторяешь, что я ангел. А ангелы умеют летать. Это прилагается к званию. Ты когда-нибудь касалась облаков руками?

Её улыбка освещала мрачную комнату, мысли нежно прорывали нетвердую защиту разума Мэттью. Он снял барьеры и отдался потоку её теплоты.

День за днем он купался в её чувствах. Он стал привыкать к душевному общению с ней, как к наркотику, как к чистому воздуху. Так приятно и легко было слушать её чистые мысли и смотреть ей в лицо, в который раз оценивая красоту голубых глаз и исключительную белизну кожи. Что-то было в её облике, что-то по-детски беззащитное и трогательно-невинное, что хотелось оберегать и баловать. Она всегда думала и мечтала одновременно, подпитывая Мэттью невиданными энергиями удивительных картин. Мэттью получал от этого наслаждение. Ни блеск нестерпимо белого солнца, проникающего с улицы сквозь щелку зашторенных окон, ни пощелкивание рассыхающихся деревянных балок дома, ни назойливый тихий стук капель воды из неплотно завернутого крана – ничего не отвлекало его от Делл. Даже наоборот – эти элементы стали обязательной частью её, своего рода дополнениями, напоминаниями, что она человек, а он – её покровитель, её ангел. Станные ощущения рождаются в душе, когда общаешься с людьми... Как же другие камбьядо удерживаются от соблазна испытать наслаждение

от контактов с наивным людским сознанием снова и снова? Или только он, Мэттью Гендерсон, эксперт по джетановой пластике, поддался слабости и забыл все наставления Джетаны Спеллер?

Он побыл с Делл всего час, и она проводила его, помахав рукой из окна.

VI

Возвращение Мэттью в Тьеррадентро было ознаменовано возбужденной суетой.

– Интереснейший случай! Представляешь, в Ороя обнаружили тайник и четырех созданий... – торопливо посвятил его в суть дела Вит, упаковывающий переносной координатор. – Мы-то думали, что все тайники на материке давным-давно проверены!

Ороя – старый завод по переработке полиметаллических руд. Когда-то давно он спас жизни сотен людей, укрыв в своих подземных убежищах от ультразвуковых бомб, но позже произошла катастрофа – взорвался энергетический блок. Половина завода рухнула под землю, в образовавшиеся карманы-ловушки. Ороя был тщательно исследован после войны, перерыт, но для полного изучения карманов не хватило, как всегда, ни времени, ни техники, ни свободных рук. Спустя месяц после взрыва Ороя объявили братской могилой и покинули. Высказывались предположения, что там внизу могут остаться живые, тем более что слабый шанс выбраться наверх у них все же сохранялся. Завод прекратил свое существование восемьдесят лет назад, но до сих пор передвижные пункты навевались туда время от времени, на всякий случай. Основанием для посещений послужил случай на рудниках в Маларгузе. Тогда, спустя несколько лет после завала шахт, нашли семью – шесть человек, из которых пятеро были детьми. Их мать – голодная и перепуганная женщина, черная от вечной грязи, высохшая от недостатка воды и пищи, – сумела рассказать, что вся семья, включая малышей, трудилась под землей, а после обрушения они все оказались в кромешной тьме. Несколько дней они звали на помощь, а потом попытались прокопать проход. Им повезло – случайно они наткнулись на неповрежденное расширение какой-то шахты, где нашлась вода и немного еды. Позже в их распоряжении оказались и другие «помещения», а потом они сумели выбраться наружу. Урановые рудники – не совсем подходящее место для жизни молодой пары, но вокруг на сотни километров больше не было ни поселков, ни людей. Их дети, облученные ещё во чреве матери, были изуродованы, но чудом выжили. Когда семью отыскали, глава семейства покоился в могиле, а женщина едва держалась на ногах. С найденышами пришлось много и долго работать. Женщину спасти не удалось – слишком запущены были приобретенные болезни и истощение, а вот детишки оказались смысленными и более жизнеспособными. Их привели в человеческий вид, подкормили, почистили, отдали в руки учителей и уже через полгода ребята показали поразительнейшие результаты в области социального взросления и самоанализа.

И теперь – что же? Неужели и Ороя приготовило сюрприз?

Витор застегнул пряжку на кожаной сумке, приподнял её и охнул, закидывая на плечо.

– Тебя искала Ким, – сообщил он, покряхтывая. – Ты ей обещал какие-то расчеты представить...

– Ах да... – сморщился Мэттью. Какой-то разговор на эту тему у него был с ней, но о чем именно говорили?...

Легкая на помине, Ким тут же появилась в лаборатории – собранная, серьезная, готовая к любым сюрпризам жизни. Ким остановилась взглядом на каждом присутствующем и увидела Мэттью. Он приготовился было отразить нападки по поводу обещанных расчетов, но Ким сказала негромко:

– Отлично, что ты пришел, Мэттью...

В голосе не чувствовалось и намек на то, что это действительно отлично.

– Бьюз лично попросила нас троих заняться этим делом.

И опять не разберешь по её лицу, в каком она настроении. Непроницаемая Ким.

– Ага, – не слишком воодушевлено отозвался Мэттью.

Она не стала интересоваться, где он пропадал. Умница Ким. Но лучше бы спросила – тогда Мэттью отвлекся бы на какое-нибудь очередное вранье, и хоть на время избавился от укуров совести, которые просыпались в нем каждый раз после посещения Делл.

Машина – наследие пострадавшего от войны человечества, – пыхтела злобно и угрюмо, словно злясь, что её выкатили из родной пещеры и нарушили долгий спокойный сон. Однако едва пилот включил основные двигатели, и машина взвилась к облакам, пыхтение сменилось ровным спокойным гудением турбин.

Вит прильнул к окну, разглядывая проносившиеся внизу горы. Специализация координатора практически приклеивает к рабочему месту в Тьеррадентро, к экранам вычислительных приборов, в отличие от пластика и основного учителя, которые напрямую контактируют с учеником. Эксперты по координации редко имеют возможность работать, так сказать, «с выездом», и любая поездка для них – целое событие.

Ким смотрела на серое небо, и невозможно было понять, думает ли она о чем-либо, или предается счастливому бездействию. Но по опыту Мэттью знал, что голова Ким никогда не пустует, что она может одновременно думать о трех-четырех проблемах сразу и успешно их решать также одновременно.

В машине с ними летел молчаливый эксперт из отдела зоологии, которого по настоящему звали Сенек, а с легкого языка Витора Сати он стал постоянным Стариком, потому что координатор однажды усмотрел в его имени сходство с латинским словом «senex» – старик. Он всегда был хмур, но не оттого, что по натуре слыл занудой и ворчуном, а потому что объектом его исследований являлись все-таки животные, а им, как известно, показная улыбка и приветливость ни к чему. Сенек был, несомненно, талантлив, но его характерной чертой стало то, что он свои достоинства он принижал и брался за новые исследования без всякого видимого энтузиазма. Вдохновение приходило к нему позже, уже во время работы.

Машина быстро преодолела расстояние до Ороя и стала резко снижаться, нацелившись носом на белое круглое пятно посадочной площадки возле старого полуразрушенного комплекса завода. Развалины основательно подзасыпались песком и пылью, вокруг высились сопки, наваленные за много лет работы завода, и весь пейзаж не содержал ничего мало-мальски привлекательного и обнадеживающего.

Под ботинками экспертов закрипел мелкий гравий и песок, прямо перед ними угрюмо высились остатки некогда колоссального комбината, ржавые листы сжевали время и дожди с ветрами, бетонный забор рассыпался от одного только неосторожного прикосновения. Кое-где, не пощаженный непогодой, бетон вовсе исчез, а торчащая из земли металлическая сетка, составляющая когда-то сердцевину плит, походила на звериный оскал.

Мэттью засунул руки глубоко в карманы брюк и огляделся.

Сенек зачитывал поступившую от спасателей информацию:

– Четыре существа, возраст примерно от четырех до десяти лет. Две особи мужского пола, две женского. Взрослых не обнаружено. Существа истощены, но проявляют агрессивность при попытках контакта с ними. Потенциалы, на вскидку, приблизительно в пределах «двойки».

Ким прищурилась, глядя на выгруженный из машины генератор.

– Клетка готова? – спросила она.

– Почти.

Вит настраивал координатор, чтобы точнее оценить потенциалы найденшей.

На ярком экране поискового радара ясно высвечивались четыре точки, замершие в одном из углов. Эксперты расположились полукругом вокруг радара. Ким провела пальчиком по экрану:

– Я предполагаю, что ста квадратов пока хватит.

– Может, сначала их усыпим? – предложил Вит. – Все-таки тяжелое потрясение...

– Не нужно, – покачала головой Ким. – Как вы думаете, эксперт?

Она встала вполоборота к Сенеку. Тот пожевал губу, соображая, и ответил:

– Согласен с экспертом Доу... И сотня квадратов – в самый раз.

– Клетка есть клетка – метр ли в ней в длину, или километр, – жестко заметил Мэттью.

Ким чуть наклонила голову к плечу, взглянула на него и отвернулась. Вит снимал показания с координатора. Мэттью отошел в сторонку.

Какая неприятная картина вокруг – камни, глухие стены... Ручейки холодной воды на каменном полу, полумрак и острые лучи горячего солнца, пробившиеся сквозь узкие бойницы...

Какие ещё ручейки? Мэттью моргнул. Он вдруг ощутил себя внутри этих бетонных развалин, в темноте... Он словно стал маленьким и беззащитным ребенком... Как много лет назад... Транс? Он впал в транс? Или это материализовались давние воспоминания из его страшного детства?...

Исчезли из поля зрения совещающиеся эксперты, машина, небо. Навалилась тяжесть – давили стены... Рядом под боком копошилось что-то живое, теплое. Мэттью попробовал нащупать этот живой комочек рукой, и не смог.

За стенами были чужаки, они все чего-то хотели и ждали от него и от маленького комочка под боком, а он всего лишь ребенок – глупый и беззащитный, у которого только одно оружие для защиты – зубы и когти. Ну, ещё быстрые и ловкие ноги, чтобы взбираться на холмы, стены и добывать еду... Но, похоже, взрослые чужаки ничуть его не боялись, а это неправильно, это страшно... Они сильнее его, вот что плохо, и победить их он не в состоянии. Даже этот храбрый комочек-человечек рядом тоже не всемогущ...

Вокруг голые красные стены, но спрятаться в них невозможно, потому что чужаки видят и сквозь стены, наступают со всех сторон, держа в руках какие-то сетки наготове. Да, они хотят поймать его, и поймают, потому что бежать некуда и просить защиты не у кого, и помощи не будет... Страшно, чужаков много, а их – маленьких и беззащитных, – только двое... Двое...

В тщетной попытке закрыть свой внутренний взор от страшной картины, Мэттью поднес ладони к лицу. Его забило, как в лихорадке, и он утонул в собственном, давно забытом, как ему казалось, первобытном страхе перед неизвестным. Теряя контроль над сознанием, Мэттью задохнулся, сражаясь с навязчивыми видениями, и от резко возросшего напряжения в голове помутилось, а к горлу подступил горький комок...

Словно чья-то мягкая рука обхватила его за плечи и вытянула из душного кошмара...

Он распахнул глаза, шевеля губами и хватая воздух. Ким провела ладонью по его взмокшему лбу, напряженно взглядывая в его лицо. Ещё секунда – и он осознал, что сознание и память подчинились воле...

– Это бывает, – сказала Ким. – Почти у всех. Успокойся. С ними все будет в порядке.

Сдерживая сбитое дыхание, Мэттью сделал шаг назад и отошел от Ким. Она продолжала смотреть на него, но тут кто-то над самым ухом Гендерсона сказал:

– Включать клетку? – и Ким уже открыла рот, чтобы ответить, но Мэттью внезапно выкрикнул:

– Нет!

Взгляды удивленно обратились к нему.

– Нет, – хрипло повторил он, хватаясь за горло, словно ворот плаща душил его. – Не надо. Недовольная и возмущенная мысль Сенека всплыла вопросом в его голове.

– Это дети, – проговорил Мэттью. – Им же страшно!

– Мы работаем по утвержденному плану. Что вы предлагаете? – мрачно осведомился Сенека.

– Новые контакты, – ответил Мэттью.

– Мэттью, наверное... – начала Ким, но он прервал её, продолжая:

– Их нельзя в клетку... Это не звери... Если они пока не умеют одеваться и чистить зубы – это не дает вам права причислять их к фауне. Они – не безмозглые идиоты, которые ничего не понимают...

– Мэттью! – предостерегающе подняла руку Ким.

– Мы сильнее их. Они нас боятся. А знаете ли вы что такое дикий страх перед неизвестным? Вы все давным-давно похоронили свои воспоминания о том, где, когда и в каких условиях начали жизнь... Но она точно началась не вот в таких развалинах!

– Мэттью! – повторила Ким.

Он махнул рукой с полным отчаянием, развернулся и стремительно зашагал прочь, не взглянув даже на застывшее, как маска, выражение лица Ким. Все молчали, и Мэттью услышал обрывки мысленного разговора Ким и Сенека:

«... не в свое дело...»

«... натура художника... старые воспоминания... не надо тревожить...»

Мэттью спрятался за машину, оперся спиной о блестящий холодный бок её и посмотрел в небо.

Генератор для энергетической клетки тщательно замаскировали камнями, закрыли разноцветные яркие кабели гравием. Десять минут чуть светящаяся сетка полосовала небо, скрываясь за стенами комплекса, а потом растворилась в серой пелене. Через эту сетку не пробьется ни одна живая душа, ни один хищник или насекомое. Сенек лично проверил работу клетки, лично установил в стене аппарат, готовящий еду. Странная была еда – серые небольшие крысы, приготовленные из искусственного мяса, по виду и вкусу не отличающегося от настоящего, но гораздо более полезного и безопасного, юркие змейки из желе, лихо ползающие по полу и оживляемые разрядами пси-ряда, маленькие птички из тестоподобного материала, сладкие на вкус и очень питательные... Всё для того, чтобы дети полноценно питались. К незнакомым штукам они ни за что не прикоснутся, а вот привычные животные, служившие им пищей до сегодняшнего дня, послужат и дальше, пока эксперты продумают программу обучения.

– Что это было с тобой? – удивленно спросил Вит.

– Истерика, – мрачно сказал Мэттью.

– Как специалист, должен сказать, что эта истерика может быть симптомом перенапряжения твоего стабилизатора. Ты давно проходил коррекцию?

Эта странная вещь в мозгу каждого камбьядо – стабилизатор. Поводок, который сдерживает потоки импульсов, цепь, которая натягивается, как только скорости этих потоков переходят уровень, опасный для мышления камбьядо. Как только это случается, нужно производить коррекцию – стабилизатору задают новую программу и натяжение «поводка» ослабевает, мозг продолжает на новой ступени совершенствоваться постепенно и плавно. Давно ли Мэттью проходил коррекцию?

– Я точно не помню, – неуверенно ответил он, и тут же сердито добавил: – Хоть ты не лезь ко мне!

– Ладно, барышня, успокойтесь, – обиделся Вит и ушел к своему координатору.

Мэттью забрался в машину и молча просидел там, пока эксперты не закончили работу.

Вит и Сенек сошли возле города, за ним последовал и Мэттью. А Ким (ох, уж эта все- сильная и неутомимая эксперт Доу!) отправилась на урок.

Все жили на разных концах Пасто, но жилища всех камбьядо объединяло то, что квартиры они их были крохотные, из одной комнаты, с окнами, выходящими на восток. Джетана Спеллер говорила, что солнечный диск, выплывающий из-за горизонта – это генератор хорошего самочувствия и отличной работоспособности.

Мэттью быстро добрался до своей квартиры, опустил занавески на окнах, тщательно запер дверь, прошелся по комнатке, где из мебели наличествовали только старая кровать, рас-

шатанный деревянный стол и табурет на трех ножках. Раздевшись, он опустился на скрипучие доски пола, старательно сосредоточился и скомандовал: выход!

Звуки с улицы исчезли. Померк свет, растворились шаги в коридоре, все стало размытым и туманным. Но только на мгновение. Мэттью чуть улыбнулся, услышав нарастающий шорох дождя и почувствовав движение влажного воздуха на щеках. Он покинул реальный мир и вышел в другое измерение, туда, где царствовала вечная ночь и мысли становились материальными.

VII

...Гил медленно распрямил затекшую от долгого труда спину, поморщился, потер поясницу и отложил в сторону мотыгу, поглядев на солнце. Полдень. Скоро появится Ким, а он едва-едва успел обработать треть кукурузного поля. Гил рассчитывал именно сегодня завершить обработку кукурузы, а завтра начать сражение на картофельных террасах, расположившихся чуть ниже. Но надо остановиться, отдохнуть, потому что Ким не по нраву, когда он встречается её уставшим и взмокшим. Она в таких случаях смотрит как-то странно, осуждающе, что ли. Хотя, за что ей осуждать Гила? Ведь он сражается за каждый день своей жизни, за кусок хлеба, за то, чтобы его семья больше не голодала, как пять лет назад, когда они только переехали в Куско. В те тяжелые дни Гил и не представлял, что значит иметь в собственном распоряжении несколько роскошных террас с добротной почвой и отличным дренажем, где за сезон без труда вызревает два урожая. Главное – не лениться.

Но Ким недовольна его усердием. Гил вспомнил, с каким равнодушием Ким взирала на ровные ухоженные террасы, которые он с гордостью демонстрировал ей, ожидая похвалы, или хотя одобрительной улыбки. Но Ким редко хвалит. Она как будто бережет эти необходимые слова для особого события, и уверена, что в жизни Гила такое событие случится.

Гил ухватился за лопату-чакиталью и продолжил работу, намереваясь дойти до конца ряда до того, как придет время «урока»... Кольнуло в бок, и Гил резко схватился рукой за правое подреберье: проклятушая печень, никак не хочет оставить его в покое. Уж сколько времени Мэттью колдовал над ней, а толку мало. Впрочем, толк-то очевиден, ведь теперь Гил может есть все, что пожелает, и его не тошнит, не выворачивает наизнанку, и в желудке больше не ощущается резей. Но вот печень... Мэттью говорит, что у Гила наследственное заболевание, и что лечиться нужно долго и упорно. Терпение у Гила выдрессировано тяжелой работой, он потерпит, только бы помогло колдовство Мэттью.

Дойдя до конца рядка, Гил отложил мотыгу, поглядел назад, оценивая плоды труда, и торопливо зашагал к бочке в водой, стоявшей в тени. Тедди заботливо наполнила её до краев чистой водой из холодного ручья, и теперь Гил с удовольствием умывался, фыркая и брызгаясь во все стороны. Тедди украдкой наблюдала за его купанием из-под навеса, где на открытом очаге шкворчали лепешки из кукурузной муки, и едва заметно улыбалась. Гил помахал жене рукой, наскоро вытерся полотенцем, накинул свежую белую рубашку и пошел в дом, сложенный из камней, с земляным полом и крышей, покрытой травой ичу. Но как он не торопился, все же Ким оказалась более пунктуальной и уже сидела в плетеном кресле, скрестив стройные ноги и сложив руки на животе.

Она всегда одевалась в черное. Обтягивающие черные брюки, высокие черные сапоги со шнуровкой до колен, свитер с высоким воротником, закрывающим горло... В жару и в холод – всегда в черном. Только в самые прохладные дни она ещё накидывала длинный плащ почти до земли, и, кажется, никогда не испытывала дискомфорта. Иссиня черные волосы до плеч, закручивающиеся в тонкие спирали, оттеняли ярко-синие, удивительно внимательные, глаза, от которых не ускользала ни одна мелочь.

Гил робко остановился в дверях, нерешительно теребя край рубашки. Ким смотрела на него, ожидая, видимо, что он поздоровается первым, но у него, как всегда, отнялся язык при виде её.

Она не вызывала в нем страха. Как он мог её бояться, если она столько сделала добра для него и его семьи? Дочь Гила, крошка Милли, начала разговаривать после того, как Ким и Мэттью вылечили её. Тедди избавилась от постоянных головных болей и бессонницы

И все же Ким вызывала в нем странное чувство преклонения, раболепия. Она умела много такого, что не умел даже сам Господь Бог, и одно это обстоятельство холодило душу...

Гил читал Библию, ходил в церковь, был богобоязненен, но Ким переворачивала в нем все старые представления о могуществе Бога. Это пугало. После «уроков» Гил смог сам привлекать грозные тучи на Куско тогда, когда посева на террасах особенно нуждались во влаге, или наоборот, отгонять их подальше, чтобы дождем не побило молодые всходы. Ким поощряла такие «чудеса», но Гилу стоило немалых трудов заставлять себя идти против воли Господа... «Уроки» сильно терзали его душу, мучая сомнениями. Поэтому он, простой крестьянин, опасался смотреть в глаза Ким.

Ким шевельнулась в кресле, устраиваясь поудобнее, и сказала:

– Здравствуй, Гил... Как кукуруза? Я заметила – листья сохнут... Почему ты не поливаешь террасу?...

Он сглотнул, уловив в её голосе недовольные нотки. Вообще-то у неё был особенный голос. Таким голосом, наверняка, поют ангелы в честь Господа, и всякий слышащий их, падает ниц и воздает благодарную молитву небу... То, что человек обладает голосом ангела – как-то не совсем правильно.

– Дождя давно не было... – ответил он, чувствуя дрожь в коленках.

– Вот как? – она наклонила голову к плечу, рассматривая его. – Что ж, садись, Гил, поговорим...

Он осторожно приблизился, сел на плетеный табурет и сжался.

– Ты, Гил, чувствуешь себя камбьядо?

Он изумленно вскинул на неё блестящие глаза, обрамленные густыми черными ресницами. Не молчи, закричал он сам себе, холодея. Она же слышит твои мысли! Отвечай же, отвечай!...

Но что отвечать? Да, Гилу досталось нечто такое, что невозможно объяснить просто словами... Это дар. Но чей? Дар Господа? Или природы, созданной им? Или сатаны, пославшего Земле тяжкое испытание в виде войны, уничтожившей почти все население мира? Сколько ж народу сейчас осталось? И среди выживших большая часть – камбьядо. А он? Ким говорит, что камбьядо – совершенно другие, но Гил другим себя не чувствовал. Уроды, в его понимании, обладали чудовищной внешностью, а он, слава Богу, нормален... Только вот печенка постанывает. Но у кого не бывает таких проблем?

Ким коротко вздохнула, не дождавшись ответа. Гил виновато опустил голову.

– Ладно, Гил, – сказала Ким. – Перейдем к домашнему заданию. Ты все выполнил, как я говорила?

Он кивнул, не поднимая глаз.

– Готов к демонстрации?... Начинай.

Итак, сказал он сам себе, наступило время очередного штурма своей совести, Гильермо. Он спустился с табурета на земляной пол, сел в позе лотоса, опустил расслабленные руки на колени и замер. Сначала надо отпустить все чувства и мысли, потом сосредоточиться, представить то, чего хочешь достичь, а потом действовать...

С первой минуты знакомства с крестьянином Ким чувствовала его страх и неуверенность. Сначала это был страх перед самой Ким – непонятной, чужой, странной, загадочной и всемогущей. Позже страх перерос в поклонение. Затем Гил стал бояться ощущений, которые возникают в нем во время упражнений, и последствий этих упражнений. Небо свидетель, Ким приложила массу стараний, чтобы снизить показатель первопричинного страха до нуля, однако даже ей, учителю с солидным опытом работы, мало что удалось.

Похоже, этот человек рождался и вырос в атмосфере вечного испуга. Страшась, сделал свои первые шаги, изнывая от ужаса, произнес первое слово, содрогаясь, признался в любви любимой девушке...

У Гила блестящий талант – он властвовал над погодой В деревне его считали святым – и, правда, как объяснить чудо долгожданного ливня, как не благостью, данной человеку свыше?

И Гил считал, что только Господь дает ему силы творить добро. Но Ким старалась убедить его, что его даром распоряжается только он сам, и только он сам ответственен за то или иное «чудо»... Ах, эта деревенская религиозность... Если бы найти средство от фанатизма, то сколько можно сэкономить сил и времени учителей!

Заставить облака идти следом за тобой – упражнение не из легких. Но все сомнения улетучиваются, когда твоя мысль зависает на километровой высоте над поверхностью планеты и видит все, что происходит вокруг... Далеко внизу сияют горы, лентой струится река, кажущаяся неподвижной, и весь небольшой Куско похож на кукольный город.

Обостренные чувства потянулись к облакам, сила пси-энергии стала сбивать их в единую массу... По мере того, как облака приближались друг к другу, они серели, набухали, стали постреливать серебряными молниями и глухо зарокотали, сталкиваясь мягкими боками. Гил вел их за собой, как послушных овечек... Тучи ворочались. Запахло озоном, электричеством и холодом. Дождь обрушился на Куско, щедро заливая улицы, площади, переулки...

Застучали крупные капли по черепичным крышам, смывая пыль и песок, прибили мусор к земле, освежили воздух.

Гил радостно созерцал картину, не замечая, как температура стала опасно понижаться. Ким окликнула его, и он, спохватившись, попытался остановить дождь, но тот вырвался из-под его влияния и в полную силу захлестал упругими нитями по городу и террасам. Мгновение – и вместе с водой посыпались круглые градины, сбивая листья на деревьях, и, подпрыгивая, покатались по мощеным улицам, разлетаясь мелкими осколками. Ким быстро перехватила инициативу, сгребла тучи и забросила их подальше от Куско, пока они не уничтожили растительность окончательно.

Тяжело дыша и обливаясь потом, он открыл глаза и обнаружил, что по-прежнему сидит в позе лотоса в комнате своего дома, а напротив, утирая испарину со лба, и переводя дыхание от невиданного напряжения, стоит Ким.

– Гил, это неразумно – позволять стихии делать то, что ей вздумается, – сказала она.

Ох, лучше бы она ударила его, чем делать замечания таким голосом... Гил готов под землю провалиться от стыда за свою ошибку, так зачем же учитель мучает его?

Ким отдышалась, снова села в кресло и сплела пальцы в замок.

– Ты понял, что произошло? – спросила она.

– Понял, сеньорита Ким, – прошептал он. – Потерял контроль.

Она прислушалась к чему-то внутри себя. Гил мысленно закричал: Господи, прости меня за своеволие! Я позволил себе вмешаться в твои дела, позволил себе возомнить равным тебе! Ты преподавал мне урок, Господи!... Прости...

– Вот что, Гил, – произнесла Ким. – На сегодня мы закончим занятия. Я приду послезавтра в обычное время. Ты устал, я вижу. Отдохни, поразмышляй, помедитируй. Это лучший способ успокоить расстроенное сознание... И пойми – ты камбьядо, Гил. Ты – один из тысяч разумных созданий, которые должны гордиться своим даром...

Он хрипло сказал:

– Да, я понимаю.

Ким посмотрела на часы. Поздно, надо возвращаться в Тьеррадентро.

– Гил, через две-три недели я покажу тебе наш Тьеррадентро, – сказала она, следя за его реакцией. А он вскинул голову, изумленно округляя глаза. И опять страх, отметила Ким. – Что тебя пугает?

– Как – Тьеррадентро? – пролепетал он.

– Я рассказывала тебе о городе под землей, – терпеливо проговорила Ким. – Это место, где работают камбьядо, где ты будешь сдавать квалификационные экзамены. Помнишь?

– Город внутри земли, – прошептал Гил.

– Там ты сможешь пообщаться с такими же, как ты... До свидания, Гил.

– До свидания, сеньорита Ким.

Она выпрямилась, вытянула руки по швам, прикрыла глаза, и её силуэт заструился, как отражение в воде. Материя стала чистой энергией пси, скользнула неуловимой тенью в окно и исчезла в сером светлеющем небе.

Тедди осторожно вошла в комнату и вопросительно посмотрела на мужа. Он стоял у окна и глядел на облака, расплывающиеся в разные стороны.

Он сказал:

– Я сегодня был в небе. Веришь?

Она улыбнулась:

– И как там?

– Слишком красиво. Слишком свободно.

– Ты испугался свободы?

– Я испугался своей силы. Я привел сюда облака, а ведь только один Господь может решать, когда посылать нам дождь. Я снова и снова иду против его воли, Тедди, он накажет меня.

– Ким так не считает.

– Ким ничего не боится. Она говорит, что человек независим от воли бога и от могущества...

– Слушайся Ким. Она знает много такого, что не знаем мы. Верь ей, Гил. Она не может обмануть.

– Она не ощущала на себе взгляда бога. А я ощущал. Бог любит нас, пока мы смиренны и скромны. Но человек влезает в его обитель. Он накажет нас.

– Будем молить его о прощении, – сказала жена, прижимаясь к Гилу. – Он добр, он поймет...

VIII

«...Вселенная есть не что иное, как чередование многомерных миров и «живого» пространства, которое способно дать камбьядо всё. «Живым» называется особое пространство, в которое можно выходить, физически исчезая в нашем, реальном, мире. В «живом» пространстве любая мысль становится материальной. Так камбьядо может материализовать любые свои желания: создать свой собственный дом и жить в нем, есть настоящую пищу и пить настоящую воду, получать различные блага по собственному усмотрению.

Строгая концентрация, усилие воли, собранность всех мыслей и определенная команда – и мы покидаем привычный мир и попадаем туда, где мысль становится осязаемой.

Методика выхода из трехмерного мира передана ученикам, ведь на бумаге принцип просто так не изложишь. Его надо прочувствовать и увидеть. Кроме того, по мере совершенствования своего сознания, камбьядо сможет выходить на более высокие уровни «живого» пространства и более полно пользоваться его энергией. Чем выше способности – тем меньше сил затрачивает он на переход».

Джетана Спеллер. «Хрустальные грани сознания»

Здесь всегда шел дождь. По мере продвижения мысли он усиливался, крепчал и становился устойчивым. Мэттью облегченно вздохнул и открыл глаза.

Маленькая комната по-прежнему оставалась в Пасто, а сам Мэттью, преодолев притяжение родного мира, очутился в полутемной зале, где источником света служили два ночника, отражающиеся в овальном зеркале. Из небытия проявилась картинка большого дома, спрятанного в измерении «сосредоточенного сознания».

Душный город с его бесконечными заботами и тревогами исчез из поля зрения Мэттью, а Мэттью исчез из города. Здесь, в этом доме, всегда было тепло, за стенами шумел обычный дождь, горел огонь в камине, и пахло свежестью. Дом и обстановку Мэттью полностью создал сам из «живого» пространства.

Он принял горячий душ, устроился на диване. Перед ним дымился в кружке чай; струи воды, стекающие по наружным стеклянным стенам, переливались в голубом холодном свете ночников, бросая причудливо извивающиеся тени на пол и мебель.

Сначала Мэттью думал о тех малышах из Ороя. Он попытался представить, как они учатся, постигая возможности собственного сознания, как смотрят на тех, кто их будет обучать. Но сначала будет страх, недоверие, позже начнет проявляться любопытство. Первые уроки пройдут, конечно же, под гипнозом – так поступают с агрессивными учениками. Потом они попривыкнут к взрослым, и учителя выйдут на очные занятия. А через несколько месяцев их введут в группу ровесников – малыши получают начальное образование по стандартной программе. И все будет хорошо.

А дождь струился и струился по стенам.

Сквозь сладкую дрему пробилась горячей струей пси-волна.

Мэттью резко сел. Чужие мысли разбрелись по комнатам, как приведения, а Мэттью мог только чувствовать их и слушать, но не прогнать. Мысли белыми стайками кружились под потолком, затеяв безумный танец, а тени дождя подчеркивали туманность их и фантомность.

О таком Джетана Спеллер не упоминала ни в одной из своих книг. Она утверждала, что камбьядо не способен даже случайно наткнуться на другого камбьядо за пределами реальности, потому что их сознания будут просто взаимно отталкиваться, как одноименные заряды. А это что же?

Джет!...

В полумраке казалось, будто в проясняющуюся фигуру вливаются тонкие струйки тумана, постепенно обретающие плотность. Поздняя гостья откинула знакомым жестом длинные золотые волосы с плеч и хищно улыбнулась, подмигнув Мэттью, застывшему на диване.

– Сюрприз-и-из! – пропела Джет, качая головой. – Далеко же ты забрался, Мэтти!...

Она окинула взглядом комнату.

– Милая обстановка. Не перестаю удивляться твоему изысканному вкусу. Рассказывай, как поживаешь.

Он не ответил. Вместо этого протянул руку и зажег лампу, так что свет брызнул прямо в глаза Джет. Она зажмурилась.

Ему страшно хотелось встать и вышвырнуть её из комнаты, как подушку. Просто вытолкнуть и закрыть дверь. Разумеется, она не даст ему это сделать, её сила уже сейчас плескалась раскаленной лавой в четырех стенах: одно неосторожное движение – и она тебя сожжет. Боже мой, сколько же в Джет энергии.

– Зачем я тебе нужен? – спросил он бесцветным голосом.

– Разве я не могу навесить старого друга просто так, из вежливости? – подняла она тонкие брови. – Как внушительно и звучно – «визит вежливости».

– Нет, не можешь, – отрезал Мэттью.

– Ты прав, – согласилась она быстро.

Джет дернула головой, и волосы взлетели за её спиной. Внимательный острый взгляд скользнул по стенам и остановился на портрете Джетаны Спеллер. Склонив голову, она внимательно его рассмотрела, а потом вздохнула и сказала:

– Мать новой расы. Сотворила энергию и не дала ей выхода. Мы держим в руках ключи от мира, от всей Вселенной, и не можем воспользоваться ими.

Она перевела взгляд на карандашные наброски Делл, развешанные рядом с портретом Джетаны. Крепость Мачу-Пикчу. Мэттью проследил взгляд Джет и внутренне усмехнулся... Сейчас она выдаст свою слабость.

Что-то колыхнулось в комнате, словно Джет на секунду потеряла контроль над собой. Разумеется! Он отреагировал на эти наброски точно также. Отреагировал, как на знакомый пыточный инструмент..

Он ожидал, что Джет спросит, где он взял картинки, но она мгновенно утратила к ним интерес.

– Я пришла поделиться с тобой соображениями, – сказала она.

– Какими? – настороженно спросил он. – Ты отказалась от идеи спасения человечества в одиночку?

– Глупый волчонок, – ответила Джет. – У людей великолепный потенциал, в них скрыта энергия, несоизмеримо большая, чем у камбьядо. При всем этом наши приборы измерить, да и просто – обнаружить её не могут. Ты представь себе на мгновение, что мы вместе вырвемся в другие Галактики... И открыть двери туда способны только камбьядо и человек, когда работают бок о бок.

– Для этого нужно изменить...

– ...человека, – быстро сказала Джет. – Я хочу изменить человека. Чтобы мы вместе...

– А сейчас – не вместе? – перебил Мэттью.

– Сотрудничество предполагает взаимное доверие и отсутствие всяческих тайн и недомолвок. А человек не может нам доверять, не зная нас...

Мэттью с сомнением покачал головой.

– Наша проблема в том, что мы ничего не хотим менять, – продолжала Джет, разглядывая портрет Спеллер. – Мы идем по бесконечной дороге, по укатанному шоссе, где давно известны все выбоинки и трещинки, где все понятно и некоторым образом неизменно. Камбьядо думают,

что помогают людям и работают ради их будущего. Так они считают, а на деле? А на деле хорошо только самим камбьядо.

– Ты заблуждаешься!

– Вряд ли. Мы чтим советы покойницы Джетаны, следуем её программам, потом сами диктуем свои мысли ученикам, они вырастают и диктуют уже своим подопечным. Никакого взрыва чувств, интеллекта, а только – всё тщательно взвешенное на аптекарских весах.

– Ты считаешь, что мы должны подчиняться сиюминутным желаниям и прихотям?

– Я считаю, дорогой мой Мэттью, что ты полный идиот, который о каждой книге судит только по наличию и количеству картинок. *Lupus Non-Sapiens*, Волчонок Не-Разумный. Но кроме картинок есть ведь и текст, скрытый смысл, интрига. Джетана ответила на все вопросы. Она распланировала, что будет через год, десять лет, сто, двести... Но не учла она, что и сознание будет расти, что оно начнет требовать большего. Камбьядо поставили себе определенную цель – спасти Землю. И они идут к цели, умрут за неё, угробят других, потому что цель забита в их голову с детства. Даже если ни не достигнут в итоге своей цели – ничего, дойдут другие. А ведь можно поднять голову, увидеть небо и сказать себе: а что же там, за облаками? Может, стоит слетать туда?

– Прежде, чем вваливаться в чужой мир, нужно навести порядок в своем.

– Если бы наша старушка-планета могла поддаться ремонту, я бы согласилась с тобой. Но, увы, она свои ресурсы исчерпала. Поэтому стоит уже показать человечеству, что есть гораздо более привлекательные во многих отношениях миры. Мы наполнены огромной силой, и она требует, чтобы мы ею воспользовались. Я приняла решение, Мэттью, идти по новой дороге напрямик к Солнцу. Но это будет не только моя дорога, а всего человечества. Люди пойдут за мной. Нужно показать им, чего они лишены.

– Полистай учебники истории, и ты увидишь, Джет, что во все времена появлялись личности, на полном серьезе считающие себя новыми мессиями. Они всегда плохо заканчивали – кто на костре, кто на кресте, кто в петле... Улавливаешь закономерность?

Джет усмехнулась недобро. Горячая лава в комнате колыхнулась и угрожающе пыхнула жаром прямо в лицо Мэттью.

– Я знаю, в чем причина твоего недоверия, – ответила спокойно Джет. – Ты одинок. Ты боишься, что кто-то скажет тебе это в глаза. Ты постоянно ищешь какую-то потерянную часть себя. Но все камбьядо одиноки.

Она замолчала. Мэттью внимательно смотрел на неё, не понимая, почему его бросает то в жар, то в холод, а иногда – сразу так и так одновременно от её слов. Он ей возражает, но и сам понимает, что его возражения – всего лишь заученные с детства правила.

Зачесалось запястье. Он поскреб ногтями кожу, но стало слишком больно, и он чуть приподнял манжету рубашки, чтобы посмотреть. Ярко-красное пятно горело огнем.

Джет перехватила его взгляд, увидела пятно и произнесла сочувствующе:

– Болит? Это пройдет.

Он никак не мог спрятаться от её глаз. Казалось, она ждет от него чего-то – поддержки что ли, возражений, сопротивления... Непонятно.

Неуловимый миг – и почудилось ему в задумчивом взгляде Джет что-то знакомое, что не давало ему самому покоя столько лет... Затравленность, обреченность... Нет-нет, Джет никогда не позволила бы Мэттью заметить это, она бы постаралась скрыть все, что думает и чувствует. Потому что она все-таки камбьядо, с большими способностями. Наверное, это он сам, Мэттью Гендерсон, сейчас пытается подавить в себе обреченность и тоску неизбежного разочарования в целях союза.

Нет, она просто играла с ним. Она сказала все, что считала нужным, и теперь настала очередь Мэттью высказаться.

– Джет, – медленно произнес он. Она смотрела не мигая, как восковая фигура. – Я ничего не стану менять в своей жизни. Я уже все, что надо, изменил. Я не могу прогнать тебя из своего прошлого и настоящего, потому что они у нас – общие. Но эти страницы прочитаны, перевернуты и закрыты. Если бы мог я сжечь их раз и навсегда, то давно бы сделал это. Ты черпаешь силу из смутного прошлого, но она, Джет, пользы не принесет. Я не хочу гореть вместе с тобой в твоей ненависти.

– Ненависти? – переспросила она отрешенно.

– Да, именно, – подтвердил он. – Только её я и чувствую в этой комнате. Ты полагаешь, что твоя сила бесконечна и полностью тебе подконтрольна. Обычное заблуждение. Попытки с даром заканчиваются плохо. Бесконтрольный дар опасен, а твой – тем более, потому что накачан ненавистью, как шарик – воздухом... Ты хочешь, чтобы люди узнали о нас. Ты хочешь, чтобы они поклонялись тебе... Нет?

Она прищурилась, словно внезапно он неосторожно коснулся чувствительных струнок её души. Поняв, он осекся, а потом упрямо закончил:

– У тебя осталось два пути: либо вернуться в ТС, где ты сможешь заново осмыслить и постичь свой дар, либо уйти навсегда, чтоб о тебе никогда никто больше не услышал...

Он с сожалением развел руками. Она не позволила злобе всколыхнуть горячую лаву в комнате. Пустой взгляд вновь скользнул по стенам и замер на портрете Джетаны.

– Мой бедный волчонок Мэтти, – сочувственно сказала Джет. – Джетана славно поработала. Она так прочно вбила вам в головы свои идеи, что вы принимаете их, как собственные. Может, она и не умерла совсем, а осталась в вас и превратилась ещё в более жестокую и чудовищную личность, чем была при жизни...

– Она не умерла, – ответил Мэттью. – Она закончилась здесь.

– Ах да.

Джет поднялась, слегка потянулась и зевнула, прикрыв красивый рот узкой ладонью. Воздух стал густым и тяжелым. Лава отступила, и по полу заструился противный холодок.

– Ты многого не знаешь, Мэтти, – укоризненно сказала Джет. – Тебе простительно. Но когда узнаешь то, что известно мне – на многое взглянешь по-другому... Прощай.

Её силуэт закачался, поплыл, теряя резкость очертаний. Фигура превратилась в голубой дым, который свернулся спиралью, поднялся к потолку, просочился сквозь него и исчез. Пси-волна унесла Джет вместе с густым воздухом и сквозняком, сомнениями, вопросами. Остался только вечный дождь и его изломанные струйки на стеклах...

IX

Путь от перуанского Куско до Тьеррадентро, что находится на территории бывшей Колумбии, в горной петле Нудо-де-Пасто, пешком не преодолеешь. До войны над материком летали самолеты, но потом содержать их стало некому. Но камбьядо не нужны самолеты, чтобы преодолевать расстояния, ведь для этого у них есть подчиненная воле пси-волна. Только вот пока океан – стихия трудно преодолимая. Джетана Спеллер могла покорять и такое пространство, да только много ли измененных, по силе способных сравниться с самой Джетаной? Нет их. И всё.

Ким пронеслась над горными цепями Кордильер, над Ла-Монтанья, не задерживаясь на передышку, и прибыла в Тьеррадентро. Он встретил её обычным оживлением, небольшой очередью из пяти человек перед зоной пропуска, и шелестом автоматических дверей.

Просторный зал, начинающийся за зоной пропуска, наполнялся звуками летящих лифтов, жужжанием механических уборщиков, звонкими голосами учеников, стоящих перед великолепным портретом Джетаны Спеллер, и что-то громко обсуждающих. Ким поискала глазами старшего учителя, увидела, что он внимательно следит за действиями и мыслями своих подопечных, кивнула, здороваясь, и по лестнице спустилась на свой этаж.

Едва она присела в кресло, включив компьютер, как в кабинет вошел Мэттью Гендерсон. Он держал в руках листки с разноцветными таблицами.

– Взгляни-ка, – сказал он мрачно.

Она окинула взглядом всю страницу сразу, моментально разобравшись в причудливой схеме сложных обозначений.

– Это точно? – спросила Ким.

– Я сам все проанализировал, – ответил Мэттью, присаживаясь в кресло напротив Ким. – И даже я, эксперт с опытом, не могу дать никакой гарантии, что сумею исправить генетические искажения. Они потянут баллов на шесть, Ким. Точнее, на пять целых и девяносто восемь сотых. Слишком высокий показатель.

– Что ты предлагаешь?

– Как пластик, я не возьмусь за работу, говорю сразу. И никто не возьмется. Это создание не сможет полноценно мыслить. Мы не имеем права мучить его экспериментами.

Она покосилась на него и не ответила.

– Ким, пока срок достаточно мал, нужно убрать его из матери. Хватит им мучений с Милли, а тут ещё на их головы свалится такая беда...

– Уродец...

– Мягко сказано. Срок беременности – две недели, мы сделаем всё аккуратно – она и не узнает, что ждала ребенка.

– Уродец, – повторила Ким задумчиво. Жестоко, но такова судьба комбьядо. 99,99% их стерильны. Если и получается женщине зачать от камбьядо, то ни к чему хорошему это не приводит. Природа беспощадна. Начавши изменять свои создания, она не может останавливаться. Единственная надежда – люди. Только они могут иметь детей, среди которых природа выбирает самых крепких и наделяет их особым даром – даром быть измененным.

Ким смотрела на листок со схемой, и вместо сухих цифр и бестолковых значков видела маленькое живое создание, совершенно не виноватое в том, что природа поизголялась над ним.

– А что с Милли? – спросила Ким.

– Тут все намного оптимистичнее. Голосовые связки мы ей восстановили, но пришлось удалить одно легкое, то, которое атрофировано. Сейчас ей будет тяжело в разреженном воздухе Куско, но ей уже выращивают новый орган, и мы сможем сделать пересадку через пару месяцев. Она начала нормально есть после восстановления утерянной части двенадцатиперст-

ной кишки, но надо обязательно следить, чтобы ей опять не пришлось в голову пробовать на вкус стекло.

– Милая девочка, – сказала Ким.

– Ох, не знаю, – покачал головой Мэттью. – Потенциал невысок. Вит сомневается – будет ли толк

– Я подыщу ей учителя, – ответила Ким.

– Что с Гилом? – спросил Мэттью.

– Если бы не его скрытый потенциал, я бы отказалась от уроков с ним. Сегодня Гил снова едва не уничтожил градом собственные посевы, третий раз за неделю. Ему мешает постоянный страх.

– А причина?

– Религиозность. Фанатизм. Он так верит в Бога, что не может принять самых простых вещей. Он боится и меня, и себя. Боится своего дара. Он считает, что Господь непременно накажет его за то, что он забирается в его дела. Он боится всего, что связано с даром. Мне это очень мешает. Я хочу привести его сюда, в Тьеррадентро.

– У тебя ещё есть надежда?

– Не уверена, – сказала Ким. – Но и бросить его я тоже не могу.

– Хорошо, – сдался Мэттью. – Тебе решать... Значит, ребенка Гильермо Феррера придется изъять.

– Для него это станет ударом.

– Ударом для него станет рождения мутанта без мозга.

– Ладно, – сказала Ким после паузы, затянувшей немного дольше, чем следовало бы. –

Подтверждаю решение.

Мэттью поставил пометку на листе.

– Дальше, – сказал он. – Ученик Кларк... Я простимулировал зону слуха, она готова к работе. Сегодня я сниму контрольные показания и проведу испытания протеза. И Вит передал для тебя распечатку данных мозговой активности Кларка, как ты просила. Это с последнего вашего урока.

Ким взяла листок, и тень пробежала по её обычно неподвижному лицу. Карандашом она быстро написала что-то возле каждого пика на графике, а потом постучала по одному пику пальцем:

– Вот этого здесь быть не должно. На том уровне, который Кларк сейчас освоил, не должно быть.

Мэттью заглянул в график.

– Импульс-реакция на вмешательство? – спросил он.

– Верно. Только вот на чье вмешательство?... Придется проверить все тщательнее при личном контакте.

– Ты думаешь, мальчик готов к такому испытанию?

– Вит подстрахует. Пока я не определю, почему в мозге возникает такая странная активность при трансе, я не смогу дальше работать с учеником.

– С Феррером ты нашла причину, да только пока это мало что дало, – заметил Мэттью.

Она бросила на него косой взгляд, и он поежился от его холода. Скрывая неловкость, Мэттью подал следующий листок.

– Это данные о наших найденышах из Ороя, – сообщил он. – Сдвиги довольно ощутимы. Ребят сегодня перевели в Тьеррадентро, в отдел виртуального воспитания.

– Как они себя чувствуют?

– Получше, – сказал Мэттью. – От людей больше не шарахаются, не впадают в истерику, не паникуют, но общаться особенно не хотят.

– Кому их передали?

– Лиз.

Ким недоуменно подняла брови.

– Что ещё за новости?

– Ты же сама говорила, что Лиз готова к серьезной работе, – пожал плечами Мэттью. – И вообще, у девочки большие планы и масса талантов. Пусть попробует.

– Нет. Плохая идея. Ребята с завода – случай тяжелый. Если у Лиз сразу многое не получится, она потеряет интерес к работе. Слишком ответственно, слишком тяжело для молодого эксперта.

– Понимаю, – кивнул Мэттью иронично. – Ты хочешь забрать детей себе?... Безнадежный Гильермо Феррер, амбициозная Мета, слабовольный Кларк, а теперь ещё и дикие звереныши с заброшенного завода...

– Я справлюсь, – с нажимом ответила Ким.

– Твое право, – Мэттью покачал головой. – И раз уж ты желаешь стать опекуном ребят, я хочу изложить тебе кое-какую идейку...

Ким знаком разрешила ему говорить, а сама занялась рассмотрением и анализом данных о детях.

– Я прочитал кое-что из работ Джетаны, – начал Мэттью. – Потом поразмышлял, вспомнил себя, свои ощущения, после того, как меня вырвали из привычного мира и заставили приспособливаться к новым условиям жизни... Чего я боялся? Я боялся того, что эти взрослые и непонятные существа вокруг меня поймут, что я совершенно незащищен перед ними. И оройские ребяташки, несомненно, чувствуют то же самое... Мы увели их с заброшенного завода, спасли от голода, отчистили от грязи и блох, одели, обули... Но, Ким, они прожили самые важные периоды становления личности в полной изоляции от людей. Они никогда не видели человека и не понимают толком, что это такое... Сейчас они живут в виртуальном мире Игры, но все же они слышат новые мысли, испытывают непонятные ощущения во время контактов. Они перестали нас бояться, но не начали доверять. А может для доверия им не хватает информации?

– Разве мы мало давали им информации? – спросила Ким, не поднимая глаз от листов.

– Достаточно. Но не того рода, что им требуется. Они должны понять, что люди вокруг них – не просто образы и видения в голове, а реальные существа... Вот тогда я подумал – а не включить ли в их Игру взрослого, который мог бы преподать им основы доверия? Пусть они привыкнут к тому, что на их территории есть чужак, и чужак не агрессивный, а доброжелательный и понимающий. Словом, реальный учитель. Причем, очень близкий им по духу.

– И, конечно, этим взрослым чужаком станешь ты? – Ким оторвала взгляд от графиков и внимательно посмотрела на Мэттью.

Он откинулся на спинку кресла, покачался в нем, и сказал небрежно:

– Не стану настаивать на своей кандидатуре, но почему бы нет?

– Потому что ты пластик, а не психоаналитик.

– Я же не собираюсь действовать без плана, – возразил Мэттью. Идея мучила его вот уже несколько недель, и выложить её перед рассудительной и умной Ким стоило ему немалых усилий.

Она пожевала губами, шурша листочками бумаг.

– Хорошо, – наконец сказала она. – Я подумую.

– Отлично, – обрадовался Мэттью. – Тогда у меня все.

– У нас с тобой занятие через три с половиной часа, – напомнила она.

– Увидимся.

Он оставил её работать с бумагами, а сам потихоньку вышел в коридор, закрыл за собой дверь и только тогда облегченно перевел дыхание. Какая все-таки удивительная штука – натура камбьядо. Ведь Ким по уровню специализации даже рангом ниже – всего восьмой пункт (под-

нять и подтвердить тестом который, кстати, она как будто бы и не стремится) а у него, Мэттью Гендерсона, эксперта по джетановой пластике – девятый! И данное обстоятельство не мешает Ким главенствовать в тройке учителей, куда входят координатор-специалист по стабилизаторам и прочим тонким штучкам в мозге, врач или эксперт по пластике (в зависимости от того, какие искажения в анатомии и физиологии главенствуют у ученика), и эксперт по психоанализу и социальному взрослению. И обычно в тройках нет лидера, а вот в тройке Мэттью – и он, и координатор Витор Сати с первых минут попали под влияние Ким, хотя она-то сама, может, этого и не осознает. Она просто делает свою работу, всеми силами помогает Виту и Мэттью, и даже берет иногда часть их забот на свои плечи. Несгибаемая Ким Доу! И все, прежде чем переступить порог её кабинета, внутренне собираются, сосредотачиваются, готовятся к разговору, словно за дверью сидит не учитель Ким, а шеф объединения ТС – Бьюз. Хотя вот Бьюз никто особенно не боится. Она проста в общении. Но Ким...

Перед Ким вытягиваются в струнку самые храбрейшие ученики. Не то чтобы бояться, а просто испытывают непонятную дрожь от холодной уверенности и абсолютного спокойствия в словах и поступках эксперта. Мэттью, хоть и работал в тройке с Ким не один год, с ней ощущал себя нашкодившим учеником, а не специалистом и руководителем отдела по джетановой пластике.

Сообщив о своей идее, у Мэттью словно гора с души свалилась. Ким не возражает, значит, он не ошибся в направлении своих мыслей. Только вот сказать ей о том, что он начал внедрять свой план ещё до того, как поставил её в известность, смелости не хватило...

Он прислушался, о чем в кабинете задумалась Ким. Услышав, что она погрузилась в размышлениях о проблеме Кларка, Мэттью поспешил уйти, пока Ким не заподозрила чего-нибудь.

Ребят с Ороя поселили в лаборатории отдела виртуального воспитания. Сама лаборатория занимала колоссальную площадь, и разделялась на залы Игры, комнаты операторов и боксы психоанализа. В залах работала сама Игра – ненастоящий мир, создаваемый опытными операторами для обучения трудных детей. Придуманная реальность на сто процентов отвечала запросам детского сознания и помогала более полно раскрыть возможности и скрытые резервы характера.

Четыре ребенка первые годы своей жизни на старом, полуразрушенном заводе, были предоставленные самим себе. Понятное дело, что дикость стала их характерной чертой, они, к тому же, получили от природы «подарочки» в виде уродств различных степеней, но пластику Мэттью Гендерсону уже многое удалось исправить, возвратив юным созданиям человеческий облик. Однако, несмотря на все усилия учителей, дети никак не хотели выходить на прямой контакт. Они с удовольствием просматривали все, что проецировали в их сознание операторы, научились пользоваться скромной одеждой, принимали игрушки и новую еду, но отказывались отвечать. И вот с самого первого дня, как только посетила Мэттью идея о внедрении себя самого в Игру, он стал действовать. В первый раз он появился в Игре, спрыгнув с дерева прямо перед носом мирно играющих детей, и безумно их перепугал. Они скрылись в своем виртуальном убежище, которое казалось им таким же реальным, как они сами, с непостижимой скоростью. Он специально двигался в непосредственной близости от них, чтобы они хорошенько его рассмотрели, привыкли к запаху и манере поведения. Ограничившись пятнадцатью минутами первого контакта, Мэттью справедливо решил, что переживаний для детей для первого раза вполне хватит.

Потом он стал увеличивать время своего прибывания в Игре.

Хорошенько заперев дверь в зале Игры, он сменил пароль, потом настроил аппаратуру на свои параметры, разделся и вошел в мир Игры.

Он-то знал, что все деревья, щебечущие птички, жаркое солнце, голубое небо и ручей, пересекающий лужайку, – все это создано фантазией инженеров и воплощено в действитель-

ность машинами. Прикоснись к розовому кусту – и уколешься, наклонись к цветку – и почувствуешь его аромат, зачерпни воды из ручья – и можешь напиться вдоволь.

Сегодня Мэттью практически не прятался за стволами деревьев, а, пригибаясь к земле и воображая себя большой обезьяной, неспешно направился к детям. Они тотчас же учуяли его присутствие, быстрее, собственно, чем уловили сознанием, и на этот раз не рванулись с места, а застыли на лужайке, побросав игрушки.

Мэттью остановился на краю травяной бахромы, подступающей к кольцу деревьев, и припал к земле. Детям он явно импонировал тем, что старался близко не подходить, держался в удалении, и не мешал их играм и забавам.

Мэттью по-звериному поднял голову и шумно понюхал воздух. Он и в самом деле сейчас почти перевоплотился в полудикого звереныша, которого больше двух десятков лет назад нашли прячущимся в крепости Мачу-Пикчу.

Припав к земле, он выждал несколько минут, потом в резком и красивом прыжке легко поймал какую-то пеструю птичку (сразу видать, операторы не старались придать ей особенной увертливости и быстроты), с рычанием зубами откусил ей голову и бросил на траву. Дети изумленно глядели на добычу. Мэттью вытер «окровавленные» губы (что это ещё придумали «повара» вливать в птиц вместо крови?), оскалил зубы, схватил теплую тушку и швырнул в сторону ребят. Она шлепнулась прямо возле их ног. Младшая из девочек с визгом отскочила, но остальные не шевельнулись. Было очевидно, что они готовы решиться на отчаянный поступок – принять подарок в виде еды от чужака.

Помедлив, старший мальчик, не сводя круглых глаз с Мэттью, осторожно протянул руку и взял птичку. Эксперт Гендерсон мысленно улыбнулся: отлично, дело сдвинулось с мертвой точки.

Краем глаза он увидел движение возле левой руки, шевельнул пальцами, и сразу же забила в ладони серая крыса, небольшая, но достаточно толстая, неповоротливая, чтобы дети в любом случае могли бы её без труда поймать. Мысленно содрогнувшись оттого, что ему придется откусить голову и этой мерзкой твари, Мэттью храбро вцепился в неё зубами. Крыса вдруг заверещала так пронзительно, что эксперт от неожиданности едва не закричал сам, услышав его. Сработал рефлекс, и верещащая и дергающаяся крыса отлетела в сторону... Мэттью отпрыгнул, сдерживая дрожь в коленках, и вдруг увидел, как старший мальчик закинул голову и громко-громко рассмеялся...

Девочки робко придвинулись к нему, а он хохотал, уловив секундный ужас взрослого, испугавшегося обыкновенной крысы...

Мэттью яростно почесал голову, подождал минуту и скрылся за деревьями. Цель достигнута. Дети приняли его.

Довольный, он покинул Игру и очутился в полутемном зале. Тихо жужжали машины, проецировавшие картины Игры, а в целом Тьеррацентро казался погруженным в сон.

Мэттью направился было к оставленной на стуле одежде, как вдруг вспыхнула настольная лампа в глубине зала, и раздался ироничный голос Вита Сати:

– Отлично смотришься... без штанов.

Мэттью инстинктивно прикрылся рукой, но тут же гордо выпрямился и сердито произнес:

– Я же сменил пароль на замке. Как ты сюда проник?

Вит грустно вздохнул, словно бы удивляясь наивности своего коллеги.

– Видишь ли, – проникновенно сказал он, – я координатор, и по долгу службы каждый день работаю с хитроумной техникой. Сломать пароль на дверях лаборатории – пара пустяков... И к тому же, – добавил он многозначительно, – ты не проверил комнату оператора. Я там как раз налаживал аппаратуру.

Мэттью торопливо оделся, а Вит развалился в кресле, закинув ногу на ногу.

– Даже не вздумай проговориться Ким, – предостерег Мэттью.

– Ким? – искренне изумился Вит. – Нет уж, у меня своих забот полно. Не хватало ещё подключать к твоим штучкам нашу железную леди.

Мэттью сел напротив Вита, пригладил каштановые волнистые волосы и спросил:

– Видел? Ребята начали доверять мне.

– Видел, – улыбнулся Вит. – Отличная работа, признаю. Только смущает меня одно обстоятельство – не станет ли твоя инициатива противозаконным деянием? Ты сильно рискуешь, действуя за спиной Ким.

– Рискую, – согласился Мэттью. – Но риск того стоит.

Х

...Бум-бум!... Бум-бум!...

Часы на стене торжественно пробили шесть часов вечера. Это были огромные, старинные часы, заключенные в футляр из красного дерева, отполированного, блестящего, как зеркало. Наверное, они достались семье Льюисов ещё от прапрадедушки, и просто чудом перенесли все ужасы и тяжести войны.

Ким они нравились. Каждый раз, когда она посещала своего ученика Кларка, она останавливалась возле часов и позволяла себе потратить несколько минут драгоценного времени, наблюдая, как неспешно и величаво движутся узорные стрелки по расписанному красными и желтыми розами циферблату.

Сегодня Кларк готовил последнюю контрольную работу перед переходом на следующий уровень. Через пять дней ему предстояло держать экзамен и стать полноправным членом ТС. Несомненно, он мог бы подготовиться и раньше к столь важному и ответственному моменту, но что-то стало происходить в его сознании, и при самом незначительном повышении нагрузки возникали те самые пики импульс-реакции, что насторожили Ким. Все бы ничего, да только такие повторяющиеся пики могли нанести серьезные повреждения пока ещё не вполне окрепшему разуму мальчика. Попросту говоря, он мог навсегда остаться психически неуравновешенным.

Кларк родился глухим. Но усилия врачей и пластиков из Тьеррадентро дали свои плоды, и появилась надежда вернуть слух. Впрочем, Кларк не особенно расстраивался по поводу глухоты: с той самой минуты, как камбьядо нашли его среди других малышей, он смог свободно общаться с помощью мыслей. Раньше подобное чудо он совершал бессознательно, не совсем понимая, что происходит, но занятия Ким привели к тому, что мальчик научился подолгу удерживать мысленные образы неподвижно, чтобы хаотичность и беспорядочность его собственных детских мыслей не мешала «собеседнику» понимать Кларка. И теперь ученик совершенно свободно вел долгие «разговоры» на довольно сложные темы со своими сверстниками – камбьядо, и немного – с матерью, которая получила от природы невысокий потенциал развития подсознания. Кларк владел также и языком жестов, но пользовался им редко и неохотно, потому что все-таки мир объемных и красочных мысленных образов гораздо интересней.

Ким заранее подготовила мальчика к тому, что ей придется немного помучить его, чтобы установить личностный контакт. Кларк вполне мог бы отказаться, испугавшись предстоящего испытания, но не стал делать этого, проявив настоящую мужскую храбрость.

Самый трудный момент в личностном контакте для учителя и ученика – это подготовка сознания. И состояла она из нескольких последовательных ступеней, требующих полного сосредоточения и всей серьезности. Но кроме собранности, камбьядо обязан учиться полнейшему расслаблению, так как на чувствительный мозг ежеминутно сваливается невыносимо энергичный поток информации. Молодой и неопытный ученик не способен выдержать такую нагрузку даже при контроле за скоростью мозговых импульсов со стороны стабилизатора. Поэтому камбьядо нужно уметь расслабляться до такой степени, чтобы мозг полностью отключался от происходящего и погружался в небытие – состояние на грани сна и бодрствования. В этот момент подсознание начинает работать на максимуме и можно даже увидеть атомы, из которых состоит воздух.

В подготовке сознания для личностного контакта расслабление занимало первую ступень и делилось на этапы. Первый – отказ от услуг зрения, слуха, осязания, обоняния. Второй – погружение в глубины разума с помощью дыхательных упражнений, переходящее в неглубокий сон. Третий – растворение остаточных мыслей в тумане просыпающегося подсознания.

Ким потратила несколько занятий для того, чтобы научить Кларка этим тонкостям. И он проходил первый этап свободно. Дыхательные упражнения выполнялись им тщательно и прилежно. Второй давался ему труднее, но Ким помогла ему, и погружение в сон прошло без проблем.

Вот в момент растворения остаточных мыслей и начали происходить странные вещи. Вместо того, чтобы освободить подсознание, в мозге вдруг ускорился поток импульсов, и вокруг мальчика взлетели в воздух все мелкие предметы, находящиеся в комнате. Они устроили совершенно дикую пляску, и Ким пришлось своими мыслями насильно подавить всплеск активности, что примерно равнялось чувствительному удару кулаком по голове. Кларк вытерпел боль, не нарушая контакта.

Ким старательно и не спеша искала ту крошечную причину, из-за которой менялось направление мышления Кларка. Мальчику приходилось трудно выносить копошение в голове, но он молчал и покорно держал связь со своим учителем.

Что-то Ким чувствовала. Что-то, что никак не могла уловить, хотя определила момент переключения мыслей. Позволяя появляться незначительным всплескам импульс-реакции, она мягко попыталась исправить механизм дыхания, потом спровоцировала скачок, проследившая источник его, и заблокировала сознание. Но вопреки её силе мысли Кларка уходили из-под наблюдения, и картина телекинеза повторилась снова.

Дав разуму мальчика отдохнуть с минуту, Ким без всякого предупреждения вдруг активировала зону стабилизатора и тут же в её сознании загорелась красная лампочка сигнала тревоги: опасное перенапряжение!

Вот оно! сказала сама себе Ким и разрешила ученику прервать контакт. Причина была найдена.

Когда Кларк отдышался и пришел в себя, Ким задала вопрос:

«Когда ты последний раз проходил координацию стабилизатора?»

«По плану. При переходе на новый уровень. То есть четыре недели назад».

«Кто проводил координацию, Кларк?»

«Девушка. Молодая. Красивая. Очень красивая. Она сказала, что теперь будет всегда приходиться для координации. Она назвалась Миа».

«Миа?»

Кларк кивнул. Ким задумалась немного, а потом снова спросила:

«Помнишь, я рассказывала тебе о стабилизаторе? Зачем он нужен, почему его используют все камбьядо без исключений, и как он работает?... Сможешь повторить?»

Кларк опять кивнул, настраиваясь на воспоминание. Подняв глаза к потолку, он не спеша начал:

«Стабилизатор это микро-прибор, вживляемый в мозг. Служит он для того, чтобы ограничивать скорость проведения импульсов в нервных клетках, продлевая адаптационный период. По мере обучения камбьядо стабилизатор переводят, – координируют, – на новый уровень контроля, уменьшая влияние на мозг, и тогда мозг может совершенствоваться дальше, не опасаясь дестабилизации, „взрыва“, нервных клеток...»

«Достаточно, Кларк», – прервала Ким, поскольку знала, что влюбленный в биологию мальчик сейчас начнет излагать ей все известные на сегодняшний день теории о работе мозга и его отдельных областей. – «Я вижу, ты прекрасно усвоил тонкости физиологии... Но я вот почему спросила тебя о стабилизаторе: дело в том, что я была неточна в оценке твоих способностей, и занизила их. Из-за моей ошибки координацию провели без учета потенциала. Теперь нужно вернуть прежний, второй, уровень и заново оценить твои данные. Это займет несколько дней, но я предлагаю тебе все же отложить экзамены ещё на неделю...»

Ким заметила, как помрачнел ученик. Он с таким усердием готовился к тестированию, так азартно поглощал все предлагаемое ему Ким, что сейчас ему стало обидно от мысли нового томительного ожидания.

Учитель поспешила успокоить его:

«Пойми, это только на пользу тебе и мне. Я введу в твою программу обучения некоторые изменения, и это даст возможность наиболее полно раскрыть твои скрытые способности. Доверься мне, Кларк...»

Он вздохнул, грустно посмотрел на темнеющее небо за окнами и ответил нехотя:

«Я верю вам, учитель Ким...»

«Хорошо. Я дам тебе три дня отдыха, пока занимаюсь поправками. И в эти три дня я убедительно прошу тебя не напрягать разум, не делать никаких упражнений, которыми я тебя обычно нагружаю. Погоняй мяч с ребятами, сходи в горы, на водопады, отдохни и расслабься. Личностный контакт – серьезное испытание. После него нужно дать мозгу прийти в норму...»

«Но я себя отлично чувствую», – храбрился Кларк, одновременно страдая от давящей боли в висках.

Ким тронула его за пышный кучерявый чуб и шевельнула уголками губ. Это означало дружескую улыбку. В дверь робко стукнули, и мать мальчика тихо спросила:

– Не отказались бы вы, учитель Ким, от чашечки кофе? Если, конечно, закончили занятия...

– Да, мы закончили, – ответила Ким. – Ваш сын хорошо поработал.

Старая седая женщина с улыбающимся морщинистым лицом внесла маленький поднос, на котором стоял небольшой фарфоровый чайник и крошечные чашечки. Рядом на подносе лежали несколько круглых арepas – маисовых лепешек. Угощение более чем скромное, но необыкновенно вкусное. От кофейника шел неповторимый аромат, а лепешки, – Ким уже знала, – будут просто таять во рту, доставляя ни с чем не сравнимое удовольствие. Перед подобным искушением устоять невозможно, и Ким задержалась ещё на пятнадцать минут, чтобы по достоинству оценить кофе и лепешки.

Вернулась она в Тьеррадентро уже затемно. Но, не смотря на поздний час, лаборатории не спали, продолжая активную работу.

Миновав несколько уровней, она распахнула дверь в отдел координации и наблюдения, и увидела поднявших головы при её появлении Вита и Мэттью. Ещё несколько камбьядо работали в боксах, и только искоса глянули на Ким, стремительно подошедшую к мужчинам.

– Доброго вечера, Кимуша, – сказал Вит, гадая, что могло внезапно привести сюда эксперта Доу, не частую гостью в лаборатории.

– Здравствуй. Вит, – ответила она спокойно. – Миа сейчас здесь?

Он посмотрел через плечо и указал на бокс с цифрой три на прозрачной стене. Молоденькая светловолосая девушка лет восемнадцати – сосредоточенная и нахмуренная, озабоченная какой-то важной проблемой, – внимательно смотрела на монитор дисплея, где рос цветной график показателей. На правом рукаве её куртки ярко выделялся оранжевый ромб – стажер-ученик.

– А что случилось? – недоуменно спросил Вит, взглянув на Мэттью. Тот пожал плечами.

– Мне нужно поговорить с ней, – ответила Ким, и без предупреждения зашла в бокс.

Эксперты смотрели через прозрачное стекло, как она подошла к Миа и что-то сказала ей. Миа тотчас вскочила, растерянно оглянулась на своего начальника Вита Сати, но тот покачал головой, давая понять, что не имеет понятия о цели прихода эксперта Ким Доу.

Ким встала спиной к мужчинам. Было очевидно, что между учеником и учителем начался мысленный диалог, и во время общения лицо Миа постоянно менялось. Сначала она просто растерялась, потом чего-то испугалась, а потом прижала ладошки к губам и едва сдержала

слезы, уже заблестевшие на густых ресницах. Кажется, она попыталась оправдаться, но Ким не позволила ей говорить. Положив руку на плечо стажера, она заставила её сесть.

Тройной плексиглас со специальным напылением не пропускал мысли. Как, впрочем, и звуки. Поэтому Мэттью и Виту оставалось только теряться в догадках, что могло произойти между Ким и ученицей Миа, если учитель так долго занимает её внимание.

Не слыша ни единого звука из бокса, эксперты, однако, уловили растущее напряжение. Несомненно, Ким отчитывала ученицу, причем отчитывала, кажется, слишком старательно, потому что Миа бледнела, и даже слезы у неё высохли от потрясения.

– Что происходит? – прошептал Вит. – Ведь она же раздавит девчонку...

– Только не Ким, – успокоил Мэттью.

Миа через минуту встала и вышла, сопровождаемая экспертом. Она не смела взглянуть в глаза Виту и быстро сказала:

– Прошу прощения, эксперт Сати... эксперт Гендерсон...

И тотчас выскочила за дверь.

– Ким, – строго произнес Вит. – Что случилось?

– Стажер-ученик Миа проводила координацию стабилизатора у моего ученика Кларка Льюиса, – сказала Ким. – И вместо третьего уровня выставила его на четвертый по непонятной мне причине. Мозг Кларка не был готов к столь резкому скачку роста скорости проведения импульсов и начал работать со сбоями. Отсюда те самые пики импульс-реакции на вмешательство. На мое вмешательство. Я не проверила правильность проведения координации и работала с расчетом на стандартный третий уровень. Не обрати мы внимания на пики, скорость продолжала бы расти, и мозг не сумел бы справиться с такой внезапно возросшей нагрузкой.

– Он бы взорвался, – уточнил Мэттью.

– Господи, – охнул Вит. – Миа могла убить Кларка!

– Не столько убить, сколько изувечить, – поправила спокойно Ким. – Я вовремя приняла меры и взяла стабилизатор под контроль. Не знаю, удастся ли мне исправить все это за те три дня, которые я дала Кларку для отдыха.

– И ты выгнала Миа? – спросил Вит.

– Выгнала? – переспросила Ким, наклоняя голову к плечу. – Мы с ней обсудили проблему и пришли к выводу, что ученице не хватило знаний по принципу работы стабилизатора. Я отправила её в отдел технических внедрений, к Лайлу. Ему всегда нужны сообразительные ребята. Миа останется с ним месяца на полтора.

– Ким, – кашлянул Мэттью. – Ты представляешь, что будет с Миа, когда весь Тьерраден-тро узнает о совершенной ею ошибке?

– Зачем Тьерраден-тро знать об этом? – подняла бровь Ким.

– Лайл ведь спросит, почему ученицу внезапно перевели к нему из перспективного и престижного отдела координации...

– Не спросит, – оборвала Ким. – Лайл работает и не задает лишних вопросов. А у Миа отличный потенциал, Лайлу пригодятся её знания и полученный здесь опыт.

Вит вздохнул с видом «ты – эксперт по психоанализу, тебе лучше знать». Но в глубине души он очень переживал за свою ученицу, и, к тому же, чувствовал, что сейчас и сам попадет «под раздачу». И в самом деле, Ким после короткой паузы обратилась к Виту:

– Я, помнится, говорила, чтобы начальники отдела были внимательнее, когда допускают к подобной работе стажеров.

– Помнится, – нехотя согласился Вит, начиная краснеть перед синим, бездонным взглядом Ким.

– Я надеюсь, что впредь ты учтешь мой совет, – сказала Ким, развернулась и ушла, не прощаясь.

Вит смущенно поглядел на Мэттью и пробормотал:

– Нет, ты видишь эту странную закономерность? Я – начальник отдела по координации, эксперт девятого уровня, регулярно, раз в неделю, получаю взбучку от рядового учителя с восьмым уровнем... Непостижимо. И чувствую себя прескверно...

– Но ведь Ким права, – заметил Мэттью.

– Самое обидное то, – произнес Вит, с вороватым видом оглядываясь в сторону входа, – что она всегда права...

XI

Мэттью внимательно оглядел со всех сторон бесформенный кусок красной глины на тумбе. Над головой голубели длинные трубки ламп дневного света, их ровное гудение не отвлекало, не мешало, даже наоборот – они подчеркивали серьезность обстановки и театральность происходящего. За плексигласовой стеной, отгораживающей Мэттью от основной лаборатории координации, сидел внимательный Витор и быстро регистрировал на экране скачки на мозговой активности, возникающие у эксперта по джетановой пластике. За его спиной стояла строгая и неподкупная, как олимпийская богиня, ассистентка Чинтин, сложив руки на груди и с деланным любопытством глядя на подвижные пальцы своего учителя. Вит очень ей доверял и считал своей правой рукой, бессовестно эксплуатируя её готовность работать рядом с ним день и ночь.

В другом боксе, по соседству через стену, шла запись контрольной работы. Но Мэттью столько раз проходил через процедуру замеров, что теперь больше не волновался и неудобства не испытывал.

Обойдя неподвижно лежащий кусок глины, и придирчиво оценив его, он прикрыл глаза, сосредоточился и поднял руки. Ладони замерли над красным куском, потом едва уловимо зашевелились и с глиной стали происходить удивительные превращения. Не прикасаясь руками к материалу, Мэттью согрел его, чуть размял и принялся творить. На практике, конечно, все происходит гораздо медленнее и болезненнее, ведь человеческое тело – не глина, и просто так его не разомнешь, не перекроишь. Но контрольный замер – всего лишь формальность, поэтому подойдет и глина.

Полностью сконцентрировав внимание на работе, Мэттью хмурил брови и тщательно выравнивал выступы, сглаживал контуры, одним движением все изменял, сводил к нулю и начинал снова. Обычно ему требовалось просто изобразить что-то, что было бы похоже на человеческое лицо или фигуру, но сегодня ему каждый раз что-то не нравилось, что-то выходило не так, как он видел перед внутренним взором, и опять приходилось сминать глину в ком и раздумывать.

После двухчасового мытарства Мэттью, у Вита за прозрачной стеной заметно вытянулось лицо. Чинтин стала чаще переступать с ноги на ногу, но четкая сетка потенциалов эксперта Гендерсона пока так и не вырисовывалась. Он словно бы издевался над терпением координатора, меняя активность мозга с максимума на минимум. Руки летали над глиной, как будто Мэттью дирижировал оркестром, а не лепил, и пластическая масса охотно поддавалась незначительным усилиям, формируясь в голову молодой женщины. Вит с облегчением увидел, как что-то начинает вырисовываться и как лоб Мэттью постепенно разглаживается.

Отступив на шаг и наклонив голову к плечу, пластик оценил произошедшие изменения, принял их, и стал быстро «рисовать» лицо. Узкое лицо, чуть приоткрытые тонкие губы, неподвижные глаза, уставившиеся в пустоту, и застывшее выражение покорного страдания. Вит удивленно взглянул на графики, хмыкнул и обернулся к Чинтин. Она тоже хмыкнула, но не совсем поняла, по-видимому, что поразило учителя. Он выразительно ткнул пальцем в экран, и она поспешно закивала.

Мэттью подумал немного и добавил к гладким глиняным волосам на голове несколько кудрявых завитков на висках. Ладони покалывало от концентрации собственной энергии, и кончики пальцев замазались глиной от случайных прикосновений. Пора было заканчивать. Но Мэттью трудно было остановиться, вдохновение приходило к нему в процессе работы, а с азартом творчества сражаться бесполезно. Он провел ещё тридцать томительных для Вита минут около тумбы, потом вздохнул и, повернувшись, показал координатору большой палец – готово.

Витор кивнул с облегчением.

Мэттью быстро вымыл руки, вышел из бокса и спросил:

– Ну?

– Девятый подтвержден, – сообщил Сати, щелкая кнопками.

– Я ещё нужен?

– Больше нет, я пришлю тебе отчет.

Мэттью кивнул, взял плащ и быстро вышел из лаборатории. Он всегда немного уставал от контрольной работы, но теперь у него было прекрасное средство забыть о напряжении. Он покинул Тьеррадентро и отправился к Делл, которой вчера клятвенно пообещал показать, наконец, крепость Мачу-Пикчу.

Витор, оставшись один на один с показаниями, быстро просканировал их, перевел на стандартные цифры и задумчиво пожевал губу.

Сати направился к Ким. Он не застал её в кабинете, но зато ему повезло настичь её в коридоре, когда она собиралась вызвать лифт. Он сунул ей в руки расчеты и посмотрел на неподвижное лицо.

Она перевернула страницы, зашуршав бумагой, и спросила:

– Мэттью?

– Странно, да? – Сати оглянулся по сторонам и добавил шепотом: – Ты меня прости, но как-то это не укладывается в стандарт...

Ким вытянула губы трубочкой, пробегая глазами выкладки.

– Я сталкивался со случаями, когда на контрольном замере дара возникают такие вот показатели, но не у эксперта девятого уровня.

– А погрешность на фантазию?

– Ким, – серьезно сказал Вит, глядя ей в глаза, – неужели ты полагаешь, что фантазия обычного пластика на такое способна?

Нет, она так не полагала.

– Где он сейчас? – спросила Ким.

– Ушел. Как всегда не сказал, где его можно найти. Мне отослать отчет?

– Подожди пару часов. Я кое-что выясню.

Она медленно зашагала прочь от лифта, листая бумаги и погрузившись в размышления.

...Делл замучила Мэттью вопросами – когда же он сдержит обещание и покажет Мачу-Пикчу?

Он не стал затягивать экскурсию, и в первый же свободный день пронесся над городом, вскочил на широкий подоконник маленькой квартирki. Делл, в ожидании гостя, прикорнула на краешке дивана. Мэттью улыбнулся, глядя на неё, и тихонько окликнул:

– Делл...

Она всегда спала очень чутко, и сейчас тотчас же открыла заспанные и немного припухшие глаза. Увидав черный силуэт в окне, Делл тотчас вспыхнула радостью, бледное лицо её порозовело. Мэттью легко спрыгнул в комнату.

– Ты готова к путешествию? – спросил он.

– Мачу-Пикчу? – восторженно прошептала она, хватаясь за рукав черного плаща. – Как мы доберемся?

– Я же ангел. Ты боишься высоты?

– Не знаю, ни разу не летала...

Конечно, она боялась высоты. Она даже с окна никогда не выглядывала, только смотрела на небо, провожая Мэттью. Но разве могла она признаться своему доброму и могучему ангелу в первобытном страхе перед полетом?

Делл доверчиво склонила голову к его плечу. Он ободряюще погладил её по волосам, вспрыгнул на подоконник и протянул руку. Помедлив, она с его помощью присоединилась к нему, и Мэттью распахнул шторы.

Небо отливало бирюзой. Несколько легких перистых пленок облаков пересекли его по направлению к западу, но в целом оно сияло чистотой и теплом. Солнце стояло высоко и сегодня не пекло, любовно согревая каменный город и его обитателей. Делл глянула вниз и зажмурилась, схватив за руку Мэттью.

– Дыши глубоко и свободно, – сказал он ей.

Он перешел на пси-волну – неторопливо, чтобы не испугать Делл и не навредить её здоровью. Она громко дышала, обхватив его за талию, и лицом прижималась к груди, пока он «шаг за шагом» поднимался к облакам. Ушел вниз Пасто с его мощеными улицами и мрачными домами, растянулись хребты коричневых Анд с зелеными вкраплениями растительности. Далеко справа осталось побережье Коста, с океана тянуло соленым воздухом и запахом водорослей. Проплывающие под ними уцелевшие города, некогда бывшие центрами деловой жизни и промышленности, сейчас представляли собой жалкое зрелище и едва различались с такой высоты. Города вдоль побережья пострадали меньше, и там кипела жизнь, но на центральных землях материка царил убожество и нищета.

Однако какие же города могли сравниться по красоте и таинственности с грандиозными храмами и дворцами инков, вернее – их остатками! Как удалось жителям инкского государства Тауантинсуйу превзойти весь мир, построив сеть великолепных дорог, уникальную ирригационную систему, террасное земледелие, удивительные образцы ювелирного искусства, керамики, ткачества? Да и вообще – Перу оставалось таким складом загадок и удивительных тайн, разгадать которые не могли и камбьядо при всей их проницательности и всемогуществе.

Больше всего запала в его душу Мэттью крепость инков Мачу-Пикчу («старая гора»). Именно там нашли камбьядо много лет назад его и Джет – маленьких, напуганных зверенышей. Мэттью часто бывал там после того, как получил звание эксперта. Ему бы отказаться от прошлого, но он не мог – что-то без конца тянуло его сюда в древнюю крепость. Стены её частично были вырублены в скале, частично складывались из колоссальных базальтовых блоков весом до 200 тонн и больше, в основной массе своей подогнанных друг к другу с такой точностью, что и спустя века нельзя было отыскать щель между ними...

Мэттью огляделся и сказал Делл:

– Открой глаза!...

Она не отозвалась. Он мягко взял обеими руками её за виски, повернул чуть вбок и повторил:

– Открой глаза!... Не бойся.

Город-крепость – город-загадка, – расположился на почти ровном плато. Со всех сторон его обступали неприступные утесы, и, как вечный страж, высилась совсем рядом «старая вершина» – зелено-черная, мрачная, суровая. Солнце натькалось на неё и на рваные куски облаков над вершинами, смущенно проникало сквозь дыры в них и неровными отблесками ложилось на камни. Древние стены покрывала жалкими пучками неизвестно как пробившаяся трава, а в тех местах, куда солнце проникнуть не могло, в ледяной тени, блестела влажно испарина камней.

Делл, пошатываясь, пошла по тропинке вверх. Мэттью с удовольствием присел на траву, скинул плащ и подставил лицо ветру. Здесь он был дома. Все запахи, звуки и цвета – все возвращало в его взбудораженную душу покой, наполняло новой энергией – свежей, чистой.

От каменных стен тянуло запахом мокрой пыли и высушенной травы. Высоко вверху распласталась тень кондора, пронзительно стрекотали цикады, но в целом здесь всегда царила тишина и мир. Говорят, сверху Мачу-Пикчу тоже очертаниями напоминает кондора, но только

каждый раз, как Мэттью появлялся здесь, видимость была нулевая, и с большой высоты ничего толком разглядеть не удавалось.

Фигурка Делл маячила на узкой тропинке. Мэттью было видно, как время от времени она останавливается, чтобы перевести дыхание, наклоняется к земле, срывая травинки, и как долго мнет, растирает их между ладонями, поднося к лицу.

Вековые камни молча взирали на незваных гостей. Они знали многое, помнили многое – и множество войн, и испанских конкистадоров, бездумно стирающих память прошлого с поверхности планеты, и могущественных инкских правителей, и дворцовые интриги, и сотни самолетов в небе, несущих смертоносные бомбы, и прелестных девственниц-жриц Солнца, весело купающихся в каменных бассейнах Мачу-Пикчу, и сотни туристов, которые когда-то посещали эти стены. Напоминанием о нашествиях туристов оставались нелепые надписи, теперь уж совсем непонятные и трудно читаемые, нацарапанные, выскобленные, нанесенные краской в самых неожиданных местах. Стертые ступени вели в разрушенные комнаты, от которых остались одни только стены и узкие окна-бойницы, где-то глубоко в скалах до сих пор хранилась вода в выдолбленных в твердой породе емкостях, и исправно работали водостоки. Урчала внизу бурлящая и сердитая речка Вильканота, и с вершины утеса открывался чудесный вид на речную долину. Если закрыть глаза и представить, что не прошли сотни лет со дня постройки крепости, то силой воображения можно услышать голоса далеких обитателей её, бряцанье оружия, музыку и песни, и топот множества ног по каменным плитам...

Мэттью блаженно откинулся на спину, щурясь на облака, стремительно несущиеся по небу. Трава колола затылок. Он задремал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.